

Солмар

Низами Гасанов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Низами Гасанов

Солмар

«Автор»

2026

Гасанов Н.

Солмар / Н. Гасанов — «Автор», 2026

«Ночь длинна. Коротать кроме как сном, её нечем». В мире Солмар день и ночь делятся по двадцать четыре часа. Здесь чтут Заветы Спасителя: не мешать кровь, не ходить за границы, не выходить во тьму. За нарушение — костёр. Но тьма приходит не только из ночи. Король стар и слаб. Церковь желает вернуть утраченную власть. Лорды готовы перерезать друг друга за трон. Крестьянский юноша Аксель теряет отца, которого сожрали твари. Стражник Ейнар узнаёт, что девушка, которую он любил, сожжена как «порочная». А Инга — дочь писаря — должна выйти замуж за жестокого лорда, чтобы спасти свою семью от долгов. Это история о тех, кто пытается жить в мире, где даже свет не спасает.

© Гасанов Н., 2026

© Автор, 2026

Низами Гасанов

Солмар

Предисловие

В маленькой хижине, где за окнами царил тьма, трещал огонь в очаге. Старая Эльфледа укутала ребенка в грубый мех и приготовилась читать ему книгу.

— Когда этот мир был еще юным, земля была велика, и людей жило на ней во сто крат больше, чем теперь. Но сердца их были черны. Они жадничали, воевали и предавали. И в том смраде, в том гневе, родились из них чудища. Тьма пришла с теми тварями. С каждым съеденным человеком их становилось больше. И вскоре света в мире осталось меньше, чем тьмы. Дни становились короче, а ночи длиннее и холоднее. — А он? Ну, Спаситель? Он же всё видит, да? Почему не остановил? — Видит, — строго сказала женщина. — Но Спаситель терпелив. Он смотрел на людей много лет, не вмешиваясь. И только когда человечество уже стояло на краю гибели, он опустил свой взор на землю. Тогда он разыскал среди всех народов самых честных, тех, кто не брал чужого и не проливал крови. Спаситель взял их добрую плоть, их чистые кости. И сложил из них горы и песок. Кровь их он пустил в русла рек, чтобы поить ею живых. И в том месте, где он сотворил этот новый берег, он поставил моря стеной, чтобы никто извне не нарушил покой живших тут людей. А также он выровнял баланс света и тьмы. И стали длиться они одинаково долго. Ребенок нахмурился, обдумывая ее слова. — Значит, мы прямо по ним ходим? По их костям? — Нет, — покачала головой Эльфледа. — Это больше не они. Их плоть давно стала землей, а их души стали посланниками этого мира. В благодарность мы молимся им и чтим их заветы. Закончив эту часть, она сжала руку племянника. — Ты знаешь, что они завещали нам, дитя? — Не мешать кровь с чужой кровью, — начал перечислять ребенок. — Не ходить за границы. Не выходить во тьму, когда она приходит, и чтить Завет. — Да. Именно так. Женщина посмотрела на свечу. Голос ее стал глуше. — Спаситель обещал, что его Посланники всегда смотрят на нас с высоты, чтобы видеть, не нарушили ли мы слова. И когда мы докажем ему, что стали чище, что запомнили урок наших предков... он вернется. Он отворит великие врата и заберет добрые души, чтобы увести их в свой новый мир. — А что сделали наши предки, тетя? Почему мы должны очищаться? Эльфледа тяжело вздохнула. — Среди нас всегда были порочные и алчные люди. Сколько бы лет не прошло, не все из нас учатся на своих ошибках. Жадность толкнула тех людей на преступление против всех. Их деяния обрушили проклятье на нас. — Так что они сделали? — Они нарушили то, что было свято. Подобно ночным тварям, не ведающим стыда, они отобрали территорию народа Нимей. Убивали мужчин и порочили женщин. Они осквернили чистоту крови, что дал им Спаситель. И монстры вновь хлынули из темноты.

Свеча почти догорела. Ребёнок молчал, глядя как пламя скачет то вверх то вниз. Эльфледа убрала книгу. — Половина ночи пройдена. Осталось крепко выспаться, и наступит утро.

АКТ 1. Рейкивия

Глава 1. Казнь (Ранний рассвет. Город Хельгин. 14 день лета)

Сквозь ставни едва стал проходить утренний холодный свет. Факелы еще продолжали гореть. Их вот-вот должен был потушить свечник. Юноша почти перестал замечать вой собак и их скулеж, как за стенами началось какое-то шествие. Пару десятков шагов, среди которых, вероятно были тяжелые сапоги храмовников, двигались мимо его дома. Кто-то тихо завывал. Так будто всю ночь испытывал боль, и теперь на полноценный плач уже не хватало сил. Люди шагали и перешептывались. А сквозь их ропот доносился странный звук, словно больной кот, которого придавила копытом лошадь.

Утро в Хельгине выдалось не добрым. Аксель не мог уже лежать. Натянув штаны, он со скрипом отворил дверь наружу. Кто-то умер ночью? Толпа крестьян и храмовников уже выходила за ограду деревни. Факелы продолжали гореть, и юноша пытался отыскать взглядом того, кто должен был их тушить с рассветом.

Его отвлек громкий женский крик. Девушка взмолилась о прощении, истосно рыдая, и пробудила ото сна оставшуюся часть деревни. Долгая ночь охледила и землю, и дома — мало кто хотел вылезать из-под теплых покрывал. Аксель оставил попытки найти отца, чья очередь была этой ночью следить за огнем по всей деревне. Он последовал за толпой селян туда, где кричала девушка.

Храмовники уже привязали ее к столбу, вкопанному в землю. К ее ногам кто-то таскал хворост и сухие дрова. — Что случилось? — его вопрос растворился в воздухе вместе с мольбами девушки. Вдруг в толпу откуда-то ворвался сгорбленный мужчина. Бросившись к одному из рыцарей в латах и с гербом церкви на плаще, он залепетал: — Сир, простите ее дуру. Откуда ж было знать ей, что он чужак? Он же выглядел вточь как мы. И именем назвался нашим. Заберите ребенка, но пощадите мою дочь! Рыцарь грубо оттолкнул мужчину и продолжил укладывать ветки для розжига. — Уйди, старик! Не то встанешь рядом с ней и с той тварью, что она родила. По завету, они должны предаться огню!

Аксель, лишь услышав эти слова, увидел, что девушка прижимала к груди что-то, прикрытое тканью. Не было видно, что там, но он понимал. Это он издавал эти звуки, когда мимо его хижин проходили все? Сейчас ребенок не плакал и не шевелился. Мать укрыла его тканью полностью, так что никто его не видел, и утренний свет не попадал на него. Она сама видимо смирилась со своей участью — лишь молча смотрела на сверток, не обращая внимания на остальных. Лишь отец не оставлял надежды и продолжал молить храмовников прекратить все. Рыжие волосы почти прикрывали ее бледное лицо. Оттого юноша не видел ее глаз. Лишь тонкие, сжатые губы, что готовились к грядущей боли. Лохмотья ее были багровыми от крови. Роды пришлось на эту холодную ночь. Потому ли псы не давали ему спать? — Мужик, уйди, прошу тебя! — страж с гербом церкви схватил мужчину за рубаху и добротнo так потрянул его. — Повитуха видела, что вышло из чрева твоей дочери. Это не ребенок! Это тварь! Значит, твоя дочь испортила свою кровь кровью чужака! Уйди! Не то поплатишься, клянусь Спасителем! — Отец, не нужно, — девушка протянула свободную руку к человеку, единственному, кто был на ее стороне. — Прости меня, прошу. — Вивека! — мужчина едва успел коснуться ее, как старик в рясе вышел вперед. Толпа стихла тут же. Лишь треск огня факела нарушал тишину. Жрец стал напевать стихи из завета.

Из костей их Спаситель горы воздвиг, Из их плоти Спаситель почву сотворил, Из крови их он русла рек наполнил И последний их вздох, в ветер он превратил.

И помнить мы будем жертвы те вечно, Молитвы ночные в домах не умолкнут, Священный огонь нам оставили предтечи, Чтоб сохранить этот мир и покой.

Спаситель чистыми в этот мир нас привел, Но мы поддались искушению греха. Ждет он, когда мы очистимся верой, И посланников вышлет за нами тогда.

Не оскверняй свою кровь чужеродной, Не погаси ты у крова огонь, Не выходи за пределы ты дома И вырази своим предкам любовь.

— Поджигай, — закончив читать писания, тихо сказал он. — Доченька... — голос старика смолк. Один из стражей бросил под ноги девушки факел. Пламя тут же охватило сухие ветви. Кровавый подол объял огонь и поднимался выше. Издавая отчаянный крик, она продолжала тянуться рукой к отцу, а другой прижимала к груди сверток с дитем. Когда пламя стало доставать до ребенка, он издал звук. Это вновь походило на избитого или больного кота. Изнутри него вырывались крики, как из глубин колодца. Аксель, почувствовал как мышцы всего тела напряглись. Он видел как отец девушки пал на колени перед огнем, пряча лицо руками.

(Утро. Город Аскхольд. 14 день лета)

— Мой лорд, у меня вести с Хельгина! Советник стоял в дверях, ожидая, пока хозяин земель выслушает гостей, что уже с раннего утра заседали с ним за столом. Молодой стражник переглянулся с советником, которого только что впустил. Он ждал порицания за опоздание — напарнику пришлось его выгораживать, а сам он лёг спать позже положенного. Но седой советник, по всей видимости, был озабочен другими вопросами. Выходку своего сына он наверняка не оставит незамеченной, и потому разговор рано или поздно состоится. — Нам стоит обсудить этот вопрос с королем. Я понимаю ваши опасения, но подобное нужно решать на большом собрании. — Да, мой лорд! Вы правы. Я лишь надеюсь, что это собрание состоится как можно раньше. Советник терпеливо ожидал и слушал разговоры доверенных лиц. Его новость важна, бесспорно. Но и то, что происходило в соседней стране, требовало неотложного внимания.

Проводив гостей за дверь, мужчина, к которому все обращались как к лорду, наконец выдохнул и обратил внимание на старого товарища. — Что у тебя, Регин? Как прошла ночь? Не слишком темная и холодная? — улыбнувшись, они пожали руки, как простые старые друзья. — В такие ночи лучше иметь жену побольше, чтобы согревала, мой лорд! — Регин! Сколько раз повторять? Когда мы одни, общаемся без чинов! Знаешь, как я уже устал от этого? — Стеймонд, у меня плохая весть, — лицо советника омрачилось. — В деревне, на окраине Хельгина девушка родила тварь этой ночью.

Молодой стражник за дверью отчетливо слышал разговор, и не мог поверить в услышанное. — Вивека?

Лорд Аскхольда застыл в улыбке. Все надежды на то, что ему не придется решать вопросы хотя бы наедине со старым другом, разбились в тот же миг. Он потер у виска, озадачившись новостью. — И где теперь эта девушка? Что с ребенком? — Их сожгли с ранним рассветом. Храмовники, конечно же, убедились перед тем, как убивать дитя и ее мать. Говорят, оно было таким уродливым, что они боялись даже смотреть на него. Но та девица до самого конца прикрывала его от света. Защищала. — Как же так? — Стеймонд обошел стол и рухнул в деревянное кресло, смахнув бумаги на пол. — Она была Рейкивийкой? Или может чужачкой? Регин неспешно подошел к столу и поднял бумаги с пола. На глаза ему попался свиток с королевской печатью. Она была нетронутой. Возможно, утренние гости из Хельгина прислали депешу от короля? Положив бумаги, он отшагнул и оперся о каменную стену, едва не зацепив держатель для факела. — Она родилась и выросла там. Ее отец — землепашец, а мать умерла от болезни много лет назад. В церкви проверили бумаги о ее рождении. Скорее всего, она имела связь с чужаком. — поправив фибулу на груди, он откашлялся. — Как ты знаешь, она больше не смогла бы родить нормального ребенка. Ее нутро с порчей. Такое на моей памяти впервые, но в Заветах сказано, что в таких случаях и мать, и ребенка требуется предать огню. Остается только найти того, кто пробрался в наши земли и оскверняет нашу кровь.

Ейнар, молодой страж, не отрываясь от двери, слушал все, о чем говорили отец с лордом. Имя его подруги, с которой он планировал познакомить отца, выбило из него дух. Сильнее удара рукояти в живот. Это шутка какая-то? Или Вивека была с ним нечестна? Вероятно ее силой взял чужак. Нет! Не может этого быть. Откуда взяться чужаку в Рейкивии? А может... что, если он сам и его отец чужаки? Ейнар достал из ножен меч и взгляделся в его отражение. Типичный Рейкивиец. Русые волосы. Светлокожий. Кареглазый, как и пятая часть страны. Отец его также не походил на чужестранца. Высокий, статный мужчина. Ранее с богатой медной шевелюрой, теперь ж почти седой. Его бледную кожу мог превзойти разве что житель Хельгина, в морозных горах. Может, все же произошла ошибка? И ее спутали с другой девушкой?

— Страж! — грубый голос старшего офицера выдернул его из раздумий. — Почему достал меч из ножен? Тело молодого стражника вмиг выпрямилось и приняло позу.

Глава 2. Из темноты

(Хельгин. Утро. 14 день лета)

После увиденной казни Аксель весь рассвет и начало утра ходил понурый. В Хельгине казнь — дело привычное, но вот рождение тварей людьми? За всю его жизнь такого не случилось. Да и от отца он такого не слышал ни разу. Отец! Он до сих пор его не встретил. Сир Дункан дал ему поручение потушить огни в деревне, чтобы сэкономить масло. Оставалась лишь западная часть, где почти не было домов, но лампы зажигали там, чтобы уберечь урожай.

Твари выползали из глубин в горах. Возможно, из-за моря. Они могли хаотично бегать по полям, уничтожая урожай хуже ворон или червей. Король выделил больше людей на добычу жира и масла для ламп. Свечников же осталось только двое на деревню. Один заступал на смену перед тем, как тьма сгущалась, и зажигал все лампы. К середине ночи просыпался второй и сменял его. Он должен был ходить по территории и подливать масла, дабы свет не прекращался. А к раннему рассвету, как только тьма отступала, гасить лампы. Отец говорил, что самое дурное в этой работе — непогода. Если шел дождь, что, хвала Спасителю, было редко, приходилось не спать всей деревней и следить за огнями. Дождь мог залить колбы с фитилем, что означало бы для всех смерть. В такие ночи люди выстраивали из подручных средств укрытия, прикрывая лампы от воды. Но хуже всего — следить за огнем на окраинах, когда твари сновали у ограждений, пытаясь подкопаться. Это сводит с ума — часто говорил отец. Он часто ругал Спасителя за то, что тот сотворил такие длинные дни и ночи. Когда валишься от усталости, и глаза сами закрываются — впереди еще полдня. Ночью же, когда спать уже никак не может — пытаешься занять себя добрую половину ночи, пока за оградами копошатся и выжидают они.

Аксель подходил к западным границам деревни, попутно туша светильники. От дома к дому. От столба к столбу, до каменных ограждений — каждые десять шагов. Этого расстояния хватало, чтобы свет рассеивался равномерно по всей площади. Оставалось совсем немного, и работу за отца он выполнил. Теперь он мог бы вполне замещать его на смене или даже стать полноценным напарником в этом деле. Лишнее жалованье их семье бы не помешало. Держа взор выше головы, дабы не пропустить ни одной горящей лампы, он не заметил насыпи и споткнулся. Рухнув лицом в что-то мягкое, но липкое и уже дурно пахнущее, Аксель застыл. В следующую секунду он открыл рот, но не услышал своего крика. Подскочив тут же на ноги, бесполезно трясая руками, он пытался стряхнуть кровь и ошметки плоти с одежды. Тело на земле было изуродовано. Кожи не было видно нигде, лишь открытая рваная плоть. Аксель гнал мысли прочь. Тело лежало возле столба с лампой. Она не горела. Давно ли? Лица на мертвом не осталось. Развернув воротник накидки, он увидел металлическую застежку. Это был он. Заколка на груди, означавшая, что этот человек отвечает за свет в их селении. Символ огня, залитый кровью. На локте грубо пришитая заплатка, которую он пришивал отцу лично. Он не

заметил, как рухнул на колени. Воздух застрял где-то внутри не находя выход. Живот скрутило и тошнота подкатила к горлу. Взрытое поле кружилось перед глазами не давая взгляду зацепиться. — Мальчишка? — Аксель не услышал шагов сзади. Голос прозвучал в голове слишком глухо, и он не разобрал, кто это. Медленно повернувшись на голос, юноша увидел товарища отца, которого тот сменил ночью. В этот момент он поймал себя на мысли, что лучше бы они поменялись сменами. Но быстро осёкся. — Это я. Густав, — голос прозвучал тихо, а изумленные глаза мужчины смотрели на то, что позади юноши. — Это Ирвинг? Аксель поднялся на ноги. Попытался стереть с лица кровь, но лишь еще больше размазал ее. Светлые волнистые волосы слиплись, подчёркивая худобу лица. Глаза метались то на тело, то на Густава. Наконец он смог сказать, тыча пальцем в мертвеца: — На нем символ свечника, — он сделал шаг в сторону, следом еще один. Тело Ирвинга продолжало лежать. Неуверенной походкой, спотыкаясь, он устремился назад в деревню. — Нужно сказать остальным, — произнес Густав, уже оставшись наедине с телом.

(Йордхейм. Ранний вечер. 14 день лета)

Единственное море в Солмаре было окружено горами почти со всех сторон. Лишь со стороны Аскхольда был прямой доступ к его берегам. Со стороны Йордхейма доступ был лишь к подножиям гор. Для всех, кроме Инги и Одина. Пару лет назад, гуляя вместе, они нашли узкий проход между ними, и с тех пор ходили сюда постоянно. Никто и никогда больше не должен был узнать об этом месте.

Сегодня вода была такой же теплой как и неделю назад. Горы все так же окружали их от лишних глаз и ушей, а волны лениво набегали на берег. Мягкий песок зазывал на нем полежать и расслабиться, под тенью ивы, что пустила корни у самой воды. Инга пригласила сегодня сюда своего друга, в честь своего восемнадцатого полугодия. Они дурачились какое-то время. Купались и ныряли на спор, кто дальше доплывет к подводным скалам. После, с трудом отдышавшись, лежали на песке, восстанавливая силы. Один смотрел на солнце сквозь листву, и ему казалось, что это место — единственное где он по-настоящему счастлив и свободен.

Инга давно молчала. Он и не заметил когда. Она села, обхватив колени руками. Когда Один заметил ее удрученное лицо, девушка сказала: — Завтра меня выдадут замуж. За Олега. Отец уже договорился. Впервые в такой жаркий день, Один ощутил, как холод сковал его конечности. Его рот открывался, но он не смог издать ни звука. Не находилось нужных слов, чтобы что-то сказать.

Волны все так же медленно смывали песок в море — равнодушно омывая корни ивы. Теплый ветер обдал пылью в лицо. Один отвернулся в сторону. Через какое-то время стало слишком тихо. Он впервые услышал, как шелестят листья на ветру именно этой ивы. Стал различать по звуку размер волны, что накатывала на берег. Казалось еще немного, и тишина сведет его с ума.

— Тут самая прозрачная вода на всем Солмаре. Видно даже дно далеко от берега, — Инга говорила быстро, громко, стараясь заполнить тишину. Сегодня ей исполнилось восемнадцать полугодий. Последний свободный вечер. Уже завтра отец выдает ее замуж за лорда Олега. За человека, который любит женщин не меньше чем власть. А ведь ей хотелось просто гулять возле гор и плавать в море с Одином. — Завтра придешь сюда? — спросила она, хотя оба знали ответ. — Шутишь? — юноша не поднял на нее глаз. Смотрел под ноги, словно там мог найти решение. Черная шевелюра нависала над лицом, как плющ над окнами дома. Напряжение чувствовалось на расстоянии и передавалось Инге. — Я серьезно! — она сидела уткнувшись подбородком в колени, а ее взгляд не отрывался от воды. — Это отличное место, о котором знаем только мы. Но не приводи сюда никого. Даже если найдешь себе девушку. Это ведь только наше место? Один долго крутил камень в руках, затем бросил его в воду. Крепко сжав зубами губу, промолчал. Что ему сказать ей? Пожелать счастливой жизни в замке? Или предложить сбежать с ним? А если и бежать, то куда? Может, подальше на Север, где их не

найдут? Он знал ответ. Она не согласится. Ее отец служит во дворце, и этот брак укрепит его положение. Отказывать Олегу нельзя. За спиной фыркали лошади. — Нам пора возвращаться. — Инга отряхнула песок и протянула руку другу. — Пойдем!

Один не стал смотреть в ее сторону и поднялся сам. — Я проберусь в замок ночью, пока он спит и перережу ему горло! — сказал он почти шепотом, но девушка услышала. — И тогда ты будешь свободна. — Не глупи. Ты не сможешь этого сделать. А если и сможешь, то тебя казнят. Слова ее звучали рассудительно, но голос дрогнул. — Тогда просто сбежим отсюда! На севере он не станет искать нас. — Он бросал быстрые взгляды на девушку и стыдливо прятал их. Он понимал что чувствует, но боялся говорить это прямо. — Ты несешь ерунду. — она шагнула к нему и поцеловала. Короткий и быстрый поцелуй, после которого Один застыл. Он не уверенно посмотрел на нее и увидел в глаза страх. — Я не... Я не это хотела сделать. Ее взгляд больше не был уверенным, как обычно. Он бегал то на него, то на воду, то на песок. Она сама не ожидала от себя такого действия. — И как ты это видишь? Жизнь с ним! Каждую ночь... с этим старым псом! — Один не заметил, как сорвался на крик. Слова раздались эхом среди гор. Его собственные слова разжигали в нем ненависть к этому человеку. — Тише! — она поспешила прикрыть ему рот рукой. — Если тебя услышат... — Кто? Мы среди гор, где никто не бывает, кроме нас! — Ты уверен в этом? — в ее глаза вновь вернулась прежняя уверенность в том, что она знает об этой жизни больше него. — Признай. Мы ничего не можем сделать. Один молчал. Впервые за сегодня смотрел в ее глаза не отводя взгляд. Серые, как утренний туман над морем, они порой меняли глубину. Становились ярче, но при этом заливались тьмой по краям. Причину этого явления он не понимал, но всегда завороженно смотрел на Ингу. Каждая мышца его тела, толкала его вперед. Схватить ее за запястье, прижать к себе крепче. Не отдавать никому.

Инга, повернулась к лошадям и Один словно вышел из под гипноза. Он снова прикусил губу со злости. Беспомощность раздражала его больше всего. Не в силах повлиять на ситуацию, оставалось лишь злиться на себя. — Пойдем, — повторила девушка. — Вечер наступает. — Ну и вали, — выдохнул он почти беззвучно и тут же мысленно себя отругал за грубость. Песок заскрипел под ним, когда он сел обратно. Он ожидал реакции девушки на его слова. Но она промолчала.

Место было и правда чудесным. И оттого его наполняла гордость, что о нем знали лишь они двое. Узкий проход среди гор, где лошади едва пробирались, открывал новый мир. Огромное море с кристально чистой водой, окруженное скалами. Вода была холодной, но в долгий жаркий день — спасением. Горы защищали это место не только от чужих глаз, но и от пыли с ветром. Здесь стояла полная тишина — лишь плеск волн о камни.

Лошадь юноши снова фыкнула. Обернувшись, он понял, что не услышал как девушка ушла. Дурак! Обругав себя, он поспешил ее нагнать. Далеко уйти она не успела.

Выйдя из ущелья, он увидел, как Инга неспешно плелась на лошади. Она словно давала шанс дураку одуматься. Один не стал медлить. Вскочил на лошадь, но перед тем, как тронуться, бросил последний взгляд на горы. На то ущелье, о котором знали только они вдвоем. Смогут ли они еще сюда прийти?

Некоторое время они плелись молча. Каждый думал о своем, и никто не хотел заговаривать первым. Судьба решила все за них — не в их пользу. Один отчаянно желал подъехать ближе и хотя бы еще раз коснуться ее ладони. Почувствовать снова этот кроткий поцелуй. Даже если это означало признать вину за грубость и испытать более сильную боль.

Ко дворцу от моря вела тропа вдоль уступа на границе с Агиптом. Появились первые селения и поля, принадлежащие какому-то сиру, присягнувшему Олегу. Селяне заканчивали вторую смену — самые стойкие еще пололи грядки, согнувшись над землей. Другие тащили к домам ведра с водой. Жара начинала спадать, но воздух все еще был тяжелым и пыльным. Кто-то разводил костры на границе полей, чтобы дым отпугивал тварей и насекомых от почти

созревшего урожая. Сам замок Олега с деревнями находился дальше, окруженный с трех сторон развилкой реки, что дополнительно защищало местность. До наступления ночи Один и Инга точно будут на месте. Каждый займется своим делом — готовиться к долгой тьме. Юноша за весь путь так и не повернул головы к подруге. Уткнувшись в гриву коня, он не видел дальше своего носа. — Что это? — она смотрела вверх. Один заметил, что стало темнее, чем должно быть. Сумерки начались раньше времени? — Темнеет слишком быстро! — Инга стремглав поспешила вперед. Подняв голову, Один увидел, как луна закрывает собой солнце, и остолбенел. Им ни за что не успеть в Йордхейм.

Свет исчез почти мгновенно. Они гнали, не жалея лошадей. Деревня была уже близко — по левую сторону от тропы. Справа, с гор, и позади доносились отдаленные, нечеловеческие крики. Проезжая мимо выступов, Один то и дело замечал темные силуэты, ползущие по ним сверху вниз. Тени таились у осыпи, словно ждали прыжка. Он увидел темное пятно, которое летело в его сторону. Удар пришелся по передним копытам лошади. Один вылетел из седла, кувыркаясь и ударяясь о камни. Тошнота подступила к горлу. Звук стал приглушенным, и он не мог разобрать, что кричит Инга. Липкая жидкость стекала по лицу, попадая в глаза. Позади билась лошадь, но твари не трогали ее. — Один, вставай скорее! — девушка остановилась возле него, протягивая руку. — Ну же! Тело не слушалось. Каждая попытка протянуть руку вверх, усиливало помутнение в глазах. Лошадь топталась возле него и нервничала, а крики орды тварей становились громче. Заставив тело подчиниться, с помощью Инги он смог закинуть ногу на лошадь и крепко ухватился за девушку.

В деревне уже загорались огни, хаотично и поспешно. Один старался не сползти, держась за девушку, но сознание мутнело. Руки слабели. Ему хотелось спать.

(Хельгин. Вечер того же дня. 14 день лета)

Уже второй раз за день что-то происходило за окнами. Опять все суетились, и стоял глухой гул, от которого росло раздражение. Едва проснувшись, Аксель почувствовал, как кожа на лице стянулась, словно от соли. Запах — железный, густой, чужой — ударил в ноздри, и желудок вывернуло наизнанку. Он согнулся, хватая ртом воздух, но тошнота не унималась. Отец. Вместе с запахом всплыло в памяти — его тело, пряжка, кровь. Леденящее состояние, в котором он пробыл с утра до того момента, как уснул, вновь вернулось. Какое сейчас время? Казалось, одну меру дня он точно просидел на кровати, а вторую проспал. Густав зажег уже лампы или ещё рано?

— Мальчик! — дверь распахнулась так, что чуть не слетела с петель. — Мне нужна помощь! Густав забежал с двумя факелами и тут же вручил один Акселю. — День кончился раньше времени. Помогите зажечь лампы!

По всей деревне жители бегали с огнями и зажигали масляные лампы на столбах. Каждый понимал: ситуация необычная, и от них самих зависит, выживут они сегодня или нет. Аксель подошел к ближайшему столбу, поднес факел — и остановился. Тогда он заметил, что руки трясутся. Он смотрел на них, но не чувствовал. Словно чужие. Этим должен заниматься отец. Не он. Кто-то грубо оттолкнул его в сторону. Мужчина, сосед с северной части деревни. Аксель часто видел, как к нему приводили лошадей на перековку. Он сунул факел под колбу лампы и побежал дальше, даже не взглянув на юношу. Дрожь уже охватила все тело, когда Аксель услышал нечеловеческие крики и визги женщин. Ему бы зайти в дом и закрыться, но тело зачем-то пошло на звуки. Неужели там кто-то пострадал? Твари пробрались в деревню? Крики вели его к тому месту, где утром он нашел отца. Здесь, на окраине, еще не горело ни одной лампы, а в темноте кто-то копошился у земли. Дрожь не унималась, и идти было тяжело. Ноги косились, словно он был пьян. Выставив факел перед собой, он увидел тело женщины... или то, что от нее осталось. Рядом — соседская девушка, чуть младше его. Лицо ее было узнаваемым, но вот тело... Тварь обглаживала кожу. Когти рвали плоть, а зубы скрежетали, пережевывая ее.

Тело чудовища было уродливо сложенным. Кости выпирали и срастались неправильно. Кожа облегла белый костяк так, будто прорастала внутрь. Местами оставались дыры, словно в рваной ткани. Ни мышц, ни волос — только кожа, натянутая на кости.

Тварь отреагировала на приближение человека и хищно уставилась на неопытного свечника. Глаза ее были мутными, словно безжизненными. Она пятилась по мере приближения факела и издавала негромкие, мерзкие звуки, похожие на гнусавый кошачий вой. Юноша сжимал факел смотря только на столб — на лампу. Посмотреть на тварь, означало потерять рассудок. Костяшки его рук побелели от напряжения, но ноги не хотели двигаться. — Аксель, лампы! — знакомый голос выдернул его из вязкого страха. Услышав голос Густава, тварь оскалилась. Он вновь увидел ее мерзкую морду и кожу, проступающую местами, врастающую в кости. До столба было пара шагов, и Аксель рискнул подбежать к нему. Тварь завопила и понеслась на него. Но не успев добраться до цели, ее перехватил мужчина. Факел Густава и его крик, короткий и отчаянный, пронзил воздух. Юноша не видел, что произошло. Он сунул факел под колбу, дрожащими руками пытаясь нащупать фитиль. Наконец лампа вспыхнула.

Глава 3. Нападение

(Хельгин. рассвет. 16 день лета)

Прошла почти половина дня. Ночь отступила давно, но в городе пахло пеплом и кровью. Рабочие заканчивали смену и готовились ко сну — другие только просыпались. В это же время в сторону замка проезжал лорд Стеймонд и сир Флок с небольшой стражей. Это была первая деревня на их пути, что относилась к землям Сигурда. Она была на границе с Аскхольдом, но воздух тут был прохладнее чем дома. На территории не осталось признаков ночного происшествия, не считая хмурых лиц и погребальных кострищ. Проезжая по подъездному пути к деревням, у дороги то и дело встречались тлеющие остатки. Спешившись, Стеймонд огляделся. Ему на глаза попался мальчишка, на вид чуть старше его дочери. Он сидел у столба, прямо на земле, рассматривая металлический знак. Присмотревшись, лорд узнал в куске металла отличительный знак свечника. — Сколько погибших у вас? Никто не обратил внимания на прилично одетого наместника, и вопрос его повис в воздухе. — К тебе обращается лорд. Потрудись оторвать свой зад от земли, — сир Флок говорил спокойно, но юноша подскочил, словно от удара. — Флок, успокойся. Не видишь, он опечален утратой. Аксель подскочил, пряча за спину руки и застежку. — Простите, лорд. Не знаю вашего имени. Я Аксель, сын свечника. Был сыном... То есть, отец был... В общем отец был свечником. — руки его без конца теребили кровавый кусочек металла. — Выдохни, малец. — Стеймонд подошел к столбу, у которого сидел юноша, и заглянул на лампу. — Этой ночью многие потеряли кого-то. Я полагаю, деревня осталась без свечника. Теперь ты за него? — Нет, лорд, — Аксель выставил руки перед собой, держа в них застежку. — Это большая честь... Наверное. Но я не справлюсь с такой задачей. Простите, — он тут же склонился перед Стеймондом. Это выглядело как уважение незнакомому лорду, но в то же время так он смог скрыть подступающие слезы. — Выпрямись, — Стеймонд покачал недовольно головой, кривя щекой. — Я не твой лорд, чтобы ты мне кланялся. И не король, которому кланяются все в Рейкивии. — Простите, лорд... — Перед тобой лорд Аскхольда. Стеймонд. — решил вмешаться Флок и подсказать юноше. — Простите, лорд Стеймонд. — снова взглянув на застежку, которая до сих пор была в крови, Аксель решил, что через этого человека можно передать просьбу королю. — Густав, напарник моего отца. Он спас меня, когда ночь пришла раньше положенного. Но его никто так и не видел с тех пор. Даже тела. Ранее светлые локоны юноши были все еще слипшимися от крови и уже задубели. Неуверенным движением он попытался их поправить, чтобы они не свисали ему на глаза. — Я боюсь, в деревне не осталось ни одного свечника. Нужно кого-то назначить. Иначе когда придет ночь... Стеймонд выхватил металлический знак из рук Акселя, не в силах уже смотреть, как тот его теребит. — Найди воду и помойся. А после жди меня на обратном пути.

(Замок Хельгина. Совет. 16 день лета)

Стеймонд не впервой бывал в Хельгине, и каждый раз подмечал насколько тот неприступен. Ни в Аскхольде, ни в Йордхейме не было таких высоких стен, что кольцом окружали замок. Просторные внутренние территории использовали не только как город, но и старались что-то высаживать на пригорных землях. Каменистый слой почвы, подходил разве что для сорняка. Но и тот плохо приживался. Теплых дней здесь не хватало.

Зато Хельгин был окружен горами с трех сторон. Помимо тактической выгоды, это давало почти все сезоны в году спокойную и безветренную погоду. Однако легкой накидки, какие Стеймонд привык носить в Аскхольде тут было мало. Ему и его страже не терпелось попасть внутрь и согреться.

... — Этого никто не мог ожидать! Несколько деревень в Аскхольде просто вырезано! — доклад перерос в спор, и Стеймонд чувствовал себя мальчишкой на допросе. — Какого морoka

эти вшивые свечники так долго реагировали? Даже я со своих окон видел, как луна закрывает собой солнце! — король, срываясь на крик, перешел на кашель. В его возрасте нервничать и кричать опасно. Внезапная смерть — не редкий гость в таком возрасте. — Может, мне стоило самому выбежать и начать зажигать эти хреновы лампы? Когда король немного отдышался, ему подали воды, чтобы смочить горло. — На территории замка не погиб ни один солдат, и уже тем более ни один свечник! — Крестьяне не солдаты, Ваше Величество, — Флок нередко имел привычку влезать в разговор, который его не касался. — Флок! — Стеймонд в очередной раз дал ему понять, что говорить тут должен он сам. — Иди ты к Губителю в зад, сосунок! Ты думаешь, я не понимаю этого? — хозяин замка поднял голову вверх, словно в молитве Спасителю. — Я просто в ужасе от того, что мы не можем быть готовы к таким вещам. Почему Его Посланники не предупредили нас? Разве мы не чтим Заветы и память предков?

Флок, чья невозмутимость была дарована самим Спасителем, смотрел из-под бровей на короля, словно тот ничего и не говорил. Его оскорбляли и похуже. — Ваше Величество, мы живем в мире, где расслабиться — значит погибнуть. За двести сорок пять полугодий предки это поняли. — Стеймонд, уставший от бесполезного разговора, потянулся за графином и налил себе вина. Он окатил взглядом всех присутствующих в зале совещаний. Их глаза, при свете свечей, блестели как у хищников при свете луны. Темное, большое помещение вмещало чуть более тридцати человек. По десять с каждого города. Но в последнее время их собиралось не больше двадцати. — Олег снова прислал посыльного с докладом? А сам что? — Этот сосунок собрался жениться в третий раз, — король подвинул кружку служанке, чтобы та ее наполнила. — В его годы я не догадался, что дружить с церковью так выгодно. По залу прокатился смех.

— Даже если он женится еще пять раз, наследников у него не добавится, — не удержался и высказал то, что крутилось у всех на языке, Флок. По залу снова раздались хихиканья и перешептывания. Стеймонд вновь с укором посмотрел на него. — Прошу прощения, мой лорд. — Довольно! — старый монарх поднял левую руку, призывая всех замолчать. — Я знаю, что эта хмарь ждет, когда я скопычусь, чтобы начать бунт и под шумок занять мое кресло. Мои сопливые сыновья еще не готовы противостоять такому самовлюбленному, но довольно хитрому противнику. Но я пока не собираюсь на тот свет. Как минимум лет тридцать еще тут побуду.

— Ваше Величество! — Стеймонд встал из-за стола, за которым уже довольно долго сидел. — Олег не скоро предпримет какие-то действия, если вообще что-то предпримет. Но то, что я писал Вам в докладе, уже может угрожать нашим землям. Я про Агиипти. Нападение тварей, показало что Аскхольд не выдержит осады. Нам нужны люди умеющие держать щит и меч. Немногочисленные шепоты за столом перерастали в гул. Сигурд молча покачивал вино в своем бокале. Рядом с ним на столе лежала его корона. Он часто снимал ее с головы, когда заседал перед подданными. Считал, что так он становится к ним ближе.

Зал был немного больше, чем то, что освещали свечи. В темных углах нередко таились те, кто любил подслушивать важную информацию. Шпионить. Стеймонд уловил направление глаз Флока и уставился во тьму. На миг ему показалось, что за колонной прячется женский силуэт. Он коснулся плеча своего доверенного человека. Тот, извинившись, покинул помещение. — Стеймонд, я понимаю тебя. Твои владения ближе всех к Медиане. И в случае чего твоя крепость — первая под ударом. Но мне отчего-то кажется, что они не остановятся на достигнутом и заберут себе весь Нимей, прежде чем попытаются напасть на нас. — старик в кресле вытер бороду после вина и словно подуспокоился. Его голос стал тише и ровнее. — При всем уважении, король Сигурд, ответьте нам. Если они заберут себе Нимей, кто станет следующей их целью? — осмотрев всех присутствующих, Стеймонд продолжил. — Думаю и так понятно. В отличии от вас, мы находимся на равнине как на ладони. С запада Олег, с юга дикари. Хоть змееглазые, надеюсь не станут уподобаться им! Лорд Аскхольда полностью отошел от стола, так чтобы его видели все, и показательно ждал ответа. На душе было неспокойно. Что-то должно было произойти, или он себя накручивал? Его глаза бегали то на короля, то

на верхние балконы, что подпирали колонны зала. Сигурд давно заметил странное поведение своего вассала, но продолжал подыгрывать. И Стеймонд это понимал как никто другой. Где сейчас Флок, интересно? Он никогда не подводил. Еще с времен восстания против угнетения Вильгельма нынешний лорд Аскхольда привык на него полагаться.

Тишина затянулась. Казалось, король забыл, что от него ждут ответа все сидящие за столом. Он махнул рукой ближайшему стражу и дал ему поручение. Тот ушел не проронив ни слова, а Сигурд надел на голову корону. Кажется, он что-то понял. Один из стражников короля, сидевший недалеко от него за столом, заерзал. Едва заметно. Стеймонд уже заметил затаившегося в темном углу Флока. Переглянувшись с ним, он едва заметно кивнул в его сторону. Он наблюдал, как этот страж долго смотрит в одну точку. Словно о чем-то размышлял. Но не успев об этом подумать, тот вскочил и опрокинул стол. Пока все были ошарашены, его меч зазвенел, выскакивая из ножен. Ближайший к королю шандал упал, и света возле него стало меньше. Резкий лязг его меча — и все застыли. Король прикрылся своим клинком от удара. Что-то прилетело из темноты в спину нападающего. Никто ничего не понял, кроме наблюдающего за всем Стеймонда. — Флок. Лучше б ты его оставил живым. Как теперь дознавать его? — Объяснись, Стеймонд! — Сигурд встал с кресла, не пряча оружия. Даже в темноте было видно, как слюни разлетались из его рта. — Какого рожна ты привел ко мне убийцу? — Простите, я привел? Вообще-то это ваш человек. — подойдя к телу, что лежало с кинжалом в спине, он перевернул его ногой. — Что ты несешь? — крик его снова разносился по залу. — Я этого ублюдка вижу впервые! Лорд с королем зацепились взглядами на какое-то время, после чего стали разглядывать лица всех остальных. Осознание пришло так же быстро, как прилетел из темноты нож. — Чтoб тебя хмарь поела, недомуж! — Сигурд сыпал проклятья больше прежнего. — Я его самодовольную рожу скормлю тварям. Буду смотреть, как они сдирают его кожу с лица. А после насру ему в череп! — Зачем ему открыто нападать на Вас при всех? Что-то не так. — лорд Аскхольда рассматривал лицо нападающего. — Вряд ли это Олег. — Ваше Величество! — в зал вбежал солдат, которого король куда-то отослал. — Один из стражников найден в бараке. Его убили и сняли форму.

(Дорога из Хельгина. Вечер. 16 день лета)

— Это не был убийца, — тихо сказал Флок. Они уже выехали за ворота, и мальчишка плелся позади, не поднимая головы. — Обычный солдат. Скорее всего подкупленный и тупой. Но такого «убийцу» не нанял бы даже болван. Стеймонд кивнул. Он и сам это понимал. Таких не нанимают, чтобы убить короля. Таких подсылают, чтобы подставить другого.

(Аскхольд. Утро после затмения 15 день лета)

Сегодня Ейнар дежурил у входа в замок. Город помогал селянам разгрести последствия минувшей ночи. Сам юноша, который практически не спал, едва держался на ногах. Он думал не о тварях и тьме. Он думал о том, что сказал его отец о Вивеке. «Ее нутро с порчей». Он видел ее совсем иной. Худенькое личико с длинными рыжими ресницами. Он звал ее подсолнухом за эти ресницы. Она смеялась и в ответ обливала его теплым молоком, которое еще пахло коровой. Ему нравилось, как она прятала в волосах лицо. Отчего девушка ему казалась в такой момент совсем другой. Незнакомой. Он убирал пряди назад и прижимался к ее теплым губам, которые пахли тем самым молоком. Его сводила с ума, как она прикрывала в этот момент свои большие зеленые глаза.

Отец неоднократно намекал ему, что когда Эмили, дочь лорда, исполнится восемнадцать полугодий, им стоит пожениться. «Это подходящая пара и подарок судьбы для тебя», — повторял он. Но Ейнар предпочитал сбегать по ночам, когда приходило время сна, из казарм в деревню на окраине Хельгина. Времени хватало лишь на короткие свидания и... Когда Вивека забеременела, он стал пропадать чаще. Напарник уже нервничал, как только Ейнар подходил с просьбой прикрыть. Но ведь он обещал ей защиту. Что все будет хорошо. Что он обязательно познакомит их с отцом и заберет в свой дом. Вот и в тот день он собирался после службы

бежать к ней. Но вести из Хельгина обрушили его планы. За весь этот год он почти не спал нормально. Лишь мысли о Вивеке придавали ему сил. Теперь же ему было тяжело держать даже щит. Сил не было, но тело было как пружина. Сердце стучало громко — кто-то должен за все ответить! Тот, кто сотворил с ней это, умрет. — Ейнар! — чья-то рука коснулась плеча. Он дрогнул. Меч вылетел из ножен прежде, чем он успел что-то понять. — Отец? — молодой стражник выдохнул, пытаясь успокоиться, и сунул оружие в ножны. — Не подходи так сзади. — Нам нужно поговорить Ейнар. — Регин заметил усталый вид и беспокойный взгляд сына. — Наедине.

Глава 4. Кто мы?

(Йордхейм. Вторая часть ночи. 15 день лета)

Крики снаружи стихли не скоро. Он не знал, сколько прошло — может, половина ночи. Просто в какой-то момент сон ушел. До того, Один порывался встать, но хозяйка хижины вместе с Ингой удержали его в постели. Резкая боль ушла, но пульсирующая, тупая, вместе с тошнотой — остались. Пытаясь приподняться, голова придавливала его назад, как кусок чугуна. Тело требовало размяться, разогнать застоявшуюся кровь. Он повернулся на бок. Огромная свеча сгорела наполовину — значит, прошла половина ночи. На полу лежала Инга на расстеленной мешковине, подбитой овечьей шерстью.

Давно ли она уснула? Прошедший день измотал их обоих. Но она его спасла. Один коснулся головы. Она была перемотана бинтами. Под ними — какая-то мазь из трав, пахнувшая горько. Мысль, что она спала рядом, согревала его. Даже если это вышло лишь в силу обстоятельств. Он разглядывал её до мельчайших черт. Будто впервые видел и хотел запомнить. Ее волосы. Ему не нравилось дергать ее за тонкие косы, которые пробивались, как колосья среди высокой густой травы. Но это было тем дозволенным для него жестом, показать, что она ему не безразлична. Её строгий временами взгляд из-под бровей, говорящий ему о том, что он перегибает. Ее легкость и в то же время уверенность в некоторых вещах удивляли его. Взгляд остановился на шраме на подбородке, который он оставил ей во время шуточных тренировок. Она давно забыла о нём, а он долго извинялся. Боялся, что шрам будет для нее проблемой, но она видела в нем свою особенность.

Он вспомнил их первый поцелуй там, у моря. И жаждал испытать это снова — осознанно, не как тогда. Рука потянулась к девушке. Он хотел взять её ладонь в свою. Хотя бы так — побыть с ней не просто как друг.

Инга открыла глаза, когда он почти коснулся её. Рука застыла в воздухе, а глаза стыдливо искали, за что зацепиться. — Ты проснулся, — тихо сказала она, прикрывая глаза вновь. — Да. — рука продолжала висеть там же, совсем немного не дотягиваясь до нее. — Как ты себя чувствуешь? — ее голос становился еще тише, словно она почти засыпала. Вряд ли она спала столько же, сколько и он. Один наконец убрал руку и замолчал. Закусив губу от отчаяния так, что почувствовал во рту привкус крови. Боль охладила его злость. Немного. — Я не отдам тебя. — прошептал он. Инга промолчала. Он знал, что она его слышала. Знал, что она это понимает. И ее молчание придавало сил справиться с этим. Придумать план, как избавить ее от этого бремени. Инга потянулась к нему, не вставая с постели и схватила его ладонь. — Поспи еще. Тебе нужно восстановить силы. Почувствовав тепло ее руки, он ощутил, как расслабляются его мышцы. Легкая улыбка на лице напомнила о прокушенной губе. Он не выпускал ее руки, сжимал так, чтобы чувствовать ее пальцы. Знать, что она еще здесь. Лежа на разных постелях, они держались за руки, ожидая, когда закончится ночь.

(Аскхольд. Утро после затмения. 15 день лета)

Ейнар шёл за отцом. Коридоры замка сменялись каменными арками, и в одной из них он замер. Сквозь проём открывалась равнина — и тропа, по которой он когда-то скакал к Вивеке. Он сжал челюсть, чувствуя как скрипят зубы. Она жила в крайней деревне, принадлежащей королю Сигурду. Его жеребец несколько раз терял подковы, рысью мчался туда и обратно. Бедный Синдри прикрывал его каждый раз, и стоял на посту бессменно, пока не возвращался Ейнар. Их бессонные ночи оказались напрасны. И для него и для товарища.

Регин жестом указал сыну, чтобы тот проходил в его кабинет. Убедившись, что в коридоре никого больше нет, он зашел следом. — Ейнар? — широко расставленные глаза смотрели

на товарища, который зашел в помещение. Заметив за его спиной советника, он тут же принял служебную стойку. — Сир Регин!

Расслабься, Синдри, — его голос был мягкий, с лёгкой хрипотцой. Он редко повышал его, но солдаты слушались беспрекословно — не из страха, а из уважения. Прошлые битвы и почтительное отношение к каждому говорили за него громче любого окрика. — Вы оба должны мне кое-что рассказать.

Регин с тяжестью опустился за свой стол. Ночь выдалась непростой для всех. Ни он, ни лорд Стеймонд почти не спали.

Город оказался беззащитен перед тем, что пришло из тьмы. Этой ночью они поняли это на собственной шкуре. А теперь надвигалось другое: нападение по двум фронтам становилось не просто страхом — расчётом. Всю ночь они искали способ защититься. Но результата не было. Решено было искать помощь у короля.

— Повтори то, что только что мне рассказывал. — Регин бросил уставший взгляд на стражника, что стоял у входа. Синдри повел глаза в сторону, словно ему неудобно было смотреть на товарища. Едва разборчиво слова слетали с его упитанных уст. — Ейнар часто уезжал из города, когда... — Что ты мычишь там? Говори внятно. — Ейнар часто уезжал из города, когда просил меня подменить его или прикрыть. — гораздо громче повторил он. Ейнар смотрел на товарища и не верил, что тот его заложил. Но больше всего он опасался следующего вопроса от отца. Куда он сбегал? — Как звали девушку к которой он ездил? — юноша резко обернулся к отцу. Регин смотрел на сына, при том расспрашивая Синдри. — Вивека, сир. Кажется. Синдри не знал куда спрятать свой взгляд. Его широкое лицо быстро заливалось багровым светом. Кожа под волосами мокрела. Несмотря на то, что он был старше Ейнара на 6 полугодий, мужественности в нем было не больше чем в мальчишке. — Что ты знаешь о этой Вивеке? — продолжал задавать хладнокровно вопросы Регин. Он подошел к окну, что было позади него и распахнул его. — Отец. — Ейнар хотел остановить все это. Его напряжение в теле росло. Рука то и дело сжимала рукоять меча. — Молчать! — его голос на миг повысился. Из мягкого и учтивого он стал властным и угрожающим. Но тут же сменился обратно, когда он вновь обратился к Синдри. — Так что ты о ней знаешь? — Ее сожгли сир. — пугливо ответил он. — За связь с чужаком.

Регин покачал головой в ответ, словно взвешивая что-то в уме. Поправив какие-то документы на столе, он подозвал его рукой. — Подойди. Синдри неуверенно шагая мимо Ейнара, стыдливо посмотрел ему в глаза. — Ты молодец Синдри. — Регин похлопал того по плечу, словно стряхивая с него пыль. — Такие люди нужны лорду. И не только лорду! Такие внимательные и преданные люди нужны королю. Ты хочешь служить королю? Страж впервые улыбнулся. Ейнар внимательно следил за отцом и предполагал, что его может ожидать после этого разговора. — Я не оставлю нашего лорда, сир. — Синдри почувствовал в себе уверенность, после ободряющих слов советника. — Клянусь своей жизнью!

Едва страж произнес свои слова, Регин схватил его за шею и стал душить. — Отец! — Ейнар запаниковал. Он стоял раздвинув руки в стороны, не зная что делать. Лицо его товарища налилось красным. Он дергал руками, старался разжать хват, упирался ногами. Ничего не помогало. Советник сжимал горло стражнику, пока тот не перестал сопротивляться. Ейнар посмотрел в глаза товарищу и ему стало дурно. В глазах Синдри было непонимание. Этот человек столько раз прикрывал его. Выручал. Сейчас он лежит на полу, и перед смертью он даже не понял, за что его убили. — Что ты сделал отец? Ты убил его! — Ейнар чувствовал как от волнения стучит сердце. А что если кто-то войдет в кабинет? Его отца признают изменником и казнят? Регин убедившись что страж уже не дышит, подтащил его тело к окну. Кряхтя, он стал поднимать тело, опирая его о стену. Затащив половину на подоконник — столкнул его вниз.

Сын смотрел на все это не в силах даже что-то сказать. В голове словно был звон. Как если бы его контузило.

— Скажи он еще кому-нибудь об этом. Тебя бы сожгли как твою Вивеку. — советник тяжело дышал, пытаясь вдохнуть побольше воздуха. Его руки тряслись. Облокотившись о стол он замер на какое-то время. Отдышавшись, он подошел к сыну и схватил его за плечи. — Я знал что ты бегал к какой-то девке. Не знал лишь к кому. Думал, перебесишься. Но когда в деревне, на краю Хельгина мне описали парня, что навещал ту девушку, все сложилось. — видя по глазам сына, что тот находится в шоке, сжал руками его голову и коснулся своим лбом его головы. — Ты понимаешь? — Ты убил его. Он ничего не сделал. — Ейнар продолжал смотреть в никуда и шептал. — Он просто помогал мне, когда я просил его об этом. Регин вернулся к столу. Собравшись мыслями — повернулся к сыну. — Ты понимаешь за что сожгли твою подругу? — его голос вновь был мягким и низким. — Понимаешь кто отец того ребенка? Сын советника смотрел в окно. А если Синдри еще жив? Ему нужно помочь. — Отвечай! — Я думал, — прошептал он, — Что если она родила от меня тварь, то это значит, что я чужак. Или ребенок не мой. Может ее... — Ты не веришь что она тебе была верна? — Не знаю. — Зато вся деревня знает! Ее отец видел тебя и не раз. — Регин сделал над собой усилие, чтобы сохранить спокойствие. — Это не важно сын. Если эта информация попадет церковникам... — Кто мы с тобой отец? Ответь.

Глава 5. Олег

(Йордхейм. Полдень 15 день лета)

Церковь находилась за территорией замка для того, чтобы все желающие могли прийти к ней и оставить пожертвования. Взамен настоятели благословляли тех, кто почитает память предков таким образом. Для Оскара, это было испытанием пройти весь путь из замка к прилегающей деревне. По состоянию здоровья, ездить на лошадях он не мог. А ходить на далекие расстояния пешком, уже не позволяли ноги. Тем не менее, лорд срочно его вызывал, и он уже представлял дальнейший разговор. Он заплатил одному из работников, чтобы тот довез его в телеге по палящему солнцу.

Сама церковь, несмотря на постоянные жертвования, не выглядела фундаментальной. Оброни ты там лампу, и к ночи от нее не осталось бы и следа. Размер ее конечно был впечатляющим. Особенно на фоне приземистых хижин. Внутри хватало места и для служителей, и для складов с провизией, и для обрядовых залов. В одном из таких они находились сейчас.

— Где твоя дочь Оскар? — Олег и приор Морт собрались в зале церкви для бракосочетания. Место было подготовлено ещё вчера. Неожданное нападение тварей не изменило планов лорда Йордхейма. — Она что сбежала?

— Мой Лорд. — невысокий писарь, уже в годах, нервно поправил остатки волос на голове. Худые, костлявые пальцы не могли найти безопасное место, и суетливо бегали по одежде. — Вчера случилось непредвиденное. Я не представляю, что могло произойти.

— Ты представляешь, как я выгляжу? Хорошо, что гостей не звали. — Лорд кивнул слугам, чтобы те подали вина.

— Лорд Олег. Я призывал Вас уже сегодня к благоразумию, и попытаюсь еще раз. — в беседу вступил приор церкви и шагнул вперед. Зная на его митре качнулось — серебряный силуэт человека, со скрещенными руками на груди. Кулаки сжаты. Голова наклонена вперед, будто он держит на своих плечах тяжесть этого мира. — Люди могут счесть это неугодным — пир посреди смертей. Стоит перенести праздник до спокойных времён. Если конечно Вам важны советы церкви.

Олег скрестил руки на груди, в пример серебряного силуэта на знамени, и немного склонил голову. — Мне лишь хотелось, чтобы люди отвлеклись от страха. Ничто так не успокаивает чернь, как зрелище чужого счастья... и вино за мой счёт.

— Отыщите свою дочь, Оскар. Немедленно! — отложив чашу с вином на пьедестал, Олег покинул зал. Писарь знал, что означал его взгляд, которым он его одарил перед уходом.

Олег подобное не прощает. — Сир писарь. — голос приора звучал мягко, но чувствовалась надменность, словно обращались с жалостью к побитой собаке, которую стоило бы избавить от мук. — Вам бы послушать Короля... то есть Лорда и разослать людей за своей дочерью. Кто знает что с ней могло произойти? Будем молить Спасителя, чтобы она вернулась целой и невредимой.

Закончив говорить, Морт склонив едва голову улыбнулся. Его подбородок, похожий на шлепок глины, растекся по скулам. Оскар сложив руки на груди, поклонился и поспешил покинуть зал церкви.

(Йордхейм. День. 15 день лета)

Город встретил их жарой — густой, почти осязаемой. Она нависла над улицами, как пар над котлом, и пахла всем сразу: горячим металлом из кузниц, кислым вином из распахнутых дверей таверны, свежей выпечкой, которую вынимали из печей к концу первой смены.

Рынок шумел, но уже как-то устало. Зазывалы охрипшими голосами предлагали молоко и овощи. Женщины и мужчины за прилавками из последних сил держали веки открытыми. Первая смена дня закончилась. Скоро должны были выйти сменщики — и тогда можно будет наконец уснуть.

Лошадь Инги шла по старой брусчатке, прихрамывая на переднюю ногу. Побег от тварей не прошёл для неё даром. Что случилось с лошадью Одина — неизвестно. Монстры не тронули её, но и в деревню она не пришла.

Они свернули в проулок. Здесь было тише, только пахло скисшим вином и хлебом. В каждом втором доме — таверна или бордель, а то и разом. Местный лорд не поощрял эти заведения, но и не запрещал: главное, что исправно платят налоги.

Один прижимался к спине Инги. Голова ещё гудела после удара, но тело понемногу возвращалось к нему. Он чувствовал тепло её спины, её дыхание — ровное, спокойное. Руки лежали на её животе, и он боялся пошевелить ими. Не потому, что мог коснуться лишнего. А потому, что любое движение могло разрушить это мгновение. В какой-то миг ему казалось, что это тепло останется с ним навсегда. Но потом сознание отрезвляло его и возвращало в эту реальность.

— Один! — Эльфледа стояла на крыльце, сдёргивая с верёвок сухое бельё. — Один, чтоб тебя! Где тебя носило? Я почему должна переживать из-за тебя?

— Тётушка Эльфледа, — Инга попыталась улыбнуться, но усталость сковала лицо, — аккуратнее с ним. Ему и так досталось.

Эльфледа перевела взгляд с девушки на племянника. Только сейчас заметила: понурый вид, серое лицо. Она прищурилась, но при госте ничего не сказала.

Один сполз с лошади, и Инга, коротко коснувшись его плеча, направила свою кобылу к замку. К родителям.

— Здравствуй, Эльфи, — не поднимая глаз, Один вошёл в дом.

Их жильё стояло недалеко от замка и было просторнее многих хижин. Дом, конюшня, клочок земли — всё, что осталось от родителей. Мать убили, когда он был совсем мал. При странных обстоятельствах. Отец спустя время сбежал. С тех пор Эльфледа, сестра матери, растила его как своего.

— Что значит «здравствуй»? — Она вошла следом, прижимая к груди охапку белья. — Ты где был? Ты что... ты с этой девицей? Она дочь высокопоставленного человека. Если ты её...

Эльфледа запнулась. Сначала — подбирая слова, чтобы предупредить его о последствиях. А потом выдохнула. Её взгляд застыл на повязке. Красное пятно проступило на ней. — Какой морок это сотворил? Или опять подрался за Ингу? — Эльфи, — голос Одина звучал еще тише. Он рухнул в кровать и закрыл глаза. — я устал.

Женщина вздохнула понимая, что сейчас ответов она не дожидается и отправилась в лекарню за мазями.

(Йордхейм. После расставания с Одином. 15 день).

Едва Инга добралась до двери дома, ее тут же окликнули. — Госпожа Инга, — седой страж уже ожидал ее тут какое-то время, — Вас ждет отец и лорд. Пройдемте в замок. Потерев ладонью лоб, девушка не ослушалась. Не могла. Тело требовало отдыха, а долг требовал послушания.

В зале было прохладно и светло. Свет с большого окна падал на кресло. На нем сидел он в белой мантии. На столе, возле его руки, лежала корона из уже потускневшего металла. Он касался ее лучей кончиками пальцев. За его спиной, из окна виднелась западная башня замка с крошечными окнами. Инга на миг представила, что возможно, она проведет там остаток своей жизни, если не будет подчиняться этому человеку. Отец не раз рассказывал ей, на сколько важно быть преданным лорду. Что он всегда награждает людей за добрую службу.

Инга посмотрела на лицо того, кто должен стать ей мужем. В свои 46 полугодий, его борода и усы были слишком мальчишескими. Черные волнистые локоны касались узких плеч. Если бы не морщины, она бы предположила, что ему около 25. Его инистые, серые глаза застыли на ней, почти не моргая. От этого взгляда ее обдало холодом. Она бросила взгляд на его замершую у короны руку. Этой рукой он отрезал своей первой жене пальцы? Однажды от матери она услышала эту историю, и она не выходила у нее из головы. Леди Ольга, нарушила запрет и покинула замок. Олег нашел ее и отрезал ей по одному пальцу на обеих ногах.

— Ты вернулась. — сдержанно сказал он. — Объяснишь мне и своему отцу, где ты была все это время? Мы переживали за тебя. Ночь была страшной. У правой стены, немного осунувшись, неуверенно стоял отец. Его почти лысая голова, покрывалась капельками пота, которые он периодически промакивал тканью. — Ингирид, дорогая. — голос отца, в отличии от Олега, был взволнованным. Глубоко посаженные глаза его, часто моргали и косились то на лорда, то на дочь. — Мать хотела идти в ночь искать тебя. Но мудрый господин не позволил нам совершить эту глупость.

Девушка с трудом сглотнула слюну. Весь путь она размышляла, стоит ли сказать всю правду о ее исчезновении, или опустить детали?

Опустив голову, она обнаружила, что одета как простая селянка из самых отдаленных деревень. Белая рубаха была в пыли от дорог и ночевки на несвежих простынях. А распашной сарафан и вовсе изорвался. Когда? Инга не помнила.

— Мы неприлично долго ждем ответа, дорогая. — Олег откинулся в кресле и стал постукивать пальцами по столу. После он встал и потер пальцем глазницу. — Что за вид? Ты в хлеву ночевала? Он подошел вплотную к Инге и схватил ее за подол сарафана. — На тебя напали и ты защищалась? — указывая на рваную ткань он медленно подвел свои глаза к ее лицу. В какой-то момент они стали слишком близко и ей стало невыносимо смотреть на его лицо. — Тебя... тронули?

Инга вырвала одежду и отшагнула. — Мой лорд, она устала и ей требуется лекарь. — Оскар сделал шаг навстречу и тут же застыл. — Позвольте жена осмотрит ее.

Олег поднял бровь и вместе с ней плечи. Развернувшись к окну, он развел руками. — Конечно. Идите. — тон лорда сменился на сочувствующий и понимающий. В нем больше не слышалась надменность и властность. Пока он не произнес следующую фразу. — Госпожа Ингирид. Я очень надеюсь, что вы не знали мужчин. Глупость конечно. Но все же. Очень неприятно будет, если это не так.

Выходя из зала, Инга увидела, как следят за ней глаза пугающего ее человека.

Глава 6-10

Глава 6. Кошмар

(Аскхольд. Рассвет. 17 день лета)

Земли Аскхольда отличались от Хельгина. Здесь не просто было теплее, Аксель ранее не знал что может так потеть. Его деревня не была столь суровой, как сам Хельгин, но солнце было там гораздо мягче. Грубая льняная рубаха уже натерла шею. Он то и дело оттопыривал воротник. А от долгой поездки ломило тело. Стоило ли оно того? Лорд Стеймонд обещал ему работу и жалование. Он вспомнил оставленный им дом. Пустой и холодный. Его там никто больше не ждал.

Несмотря на это, он не переставал оглядываться по сторонам. Сначала это были деревни, на полях которых обильно росли пшено и кукуруза. А в частных владениях — недозревшая капуста и сады с зелеными яблоками. Дальше они ехали по равнинам. Кругом, насколько хватало глаз, не было ничего. Ни деревца, ни хижины. Лишь вдалеке виднелись горные зубы, что преграждали путь к морю. Отец Акселя, на жалованье свечника, смог дать сыну хорошее образование. Он умел читать, писать и разбирался в картах. Лорд Стеймонд нашел это полезным и обещал, что найдет его навыкам применение.

Их встречал не замок. Скорее форт. Тут не было каменных стен защищающих от врагов, лишь деревянные ограждения. Перед ними расстилалась большая деревня вдоль ручья и протяженные леса. Сам замок находился на развилке реки. Точнее в ее объятиях. Дальше лишь граница.

Въезжая во двор, он наконец увидел каменный замок, что стоял на возвышенности. Около полусотни строений в виде казарм и конюшен. Стража приветствовала лорда и остальных, запирая вслед ворота.

Акселю ранее не доводилось бывать во дворах замка, но ему казалось что в Хельгине и замок больше и стены прочнее.

Зато ему посчастливилось увидеть жизнь солдат воочию. Проезжая мимо стрельбищ, где лучники оттачивали свою точность, юноша заметил детей. Они бегали вдоль проулков, догоняя друг друга. Следя за ними его взгляд дошел до седого мужчины. Рослого, с невозмутимым лицом. Остатки его волос не тронутые сединой, говорили о том, что когда-то его макушка сияла медью. По мере приближения, он отложил меч, неторопливо выпрямился и слегка склонил голову.

— С возвращением, мой лорд. Я заждался Вас. — Регин, я уже вижу, что меня ждет разговор. — спешившись, Стеймонд отдал вожжи конюху. — Скажи, хоть раз ты встречал меня без важных вестей? — Хорошо. Тогда я спрошу вас, какие новости от короля? — не унимался советник. — Дай мне хоть дух перевести с дороги, друг мой. — обернувшись на юношу, которого он привез с собой, лорд махнул ему рукой. — Этот молодой пытливый ум ищет работу и пристанище. Устроишь его куда-нибудь? Регин одобрительно кивнул. Оглядывая Акселя, он повел его с собой. — Тогда поговорим позже, мой лорд.

Наконец свободно, насколько это возможно, Стеймонд выдохнул. Поднимаясь в горку, к замку, навстречу ему вышла жена. — Леди Изольда. — Флок склонил голову и поспешил оставить их. Всего пара солнечных дней минуло, а лорд успел истоскаться по родной душе. Красота ли супруги его так сковала? Или он настолько устал от бессмысленных разговоров с приставками “сир”, “милорд”, и “король”?

Изольда, не уступала ростом мужу. Жизнь воспитала ее на пашнях и езде на лошади, прежде чем поселила в замке. Ее руки были сильными настолько, чтобы вести быт. Широкие плечи и бедра. В ее фигуре чувствовалась тяжесть материнства. Ее походка была спокойной и уверенной, без излишней девичьей суеты. Несмотря на непростую жизнь, ее лицо оставалось молодым и нежным. Она собрала с лица золотые волосы, подставляя губы для поцелуя. Стей-

монд коснулся их и замер. Он почувствовал легкость и непринужденность. Все проблемы этого мира могут подождать. Он ощутил в полной мере как устал. Все те заботы, что пали на него с момента как он сверг Вильгельма, не давали ему расслабиться ни дня.

— Ты наверно и не заметишь, как Эмили выйдет замуж и родит тебе внуков. — с легкостью в голосе произнесла она, когда муж наконец-то снова посмотрел ей в глаза. — Будешь на совете у короля, или размышлять с Регином, как обезопасить Аскхольд. — Прости. Такая теперь у нас жизнь. — Стеймонд склонил свою седеющую голову перед женой. — Но как только мы сможем обезопасить себя, у меня будет больше времени на вас.

(Хельгин. Полдень 17 день лета)

На самом севере Хельгина никогда не было особой разницы, ранний рассвет сейчас или полдень. Морозный воздух, которым делились горы с городом, обязывал всех надевать парчовые поддевы под одежду.

Сир Алан и сир Алэн охраняли покои короля. Сир Карас, первый советник, вместе с ними терпеливо ожидал, когда Сигурд освободится. Король умел заставить ждать. Вызвать одновременно любовницу и советника, а потом держать последнего под дверью, слушать их игрища, — в этом был весь Сигурд. За дверью иногда пробивались крики — «Вставай, хмарь тебя дери!» и «О Спаситель, даруй мне сил!»

Через какое-то время дверь распахнулась. Леди Кили, молодая девушка, с рыжими кудрями, хихикая, выбежала из покоев. Оба стража, побрякивая кольчугами, вытянулись у стены. Лишь их взгляды провожали девушку по коридору, пока та не исчезла за поворотом.

— Чего встал как перед казнью? Заходи. Карас зайдя закрыл за собой дверь. — Ваше Величество, Вы посылали за мной? — сцепив внизу руки, мужчина покорно ждал ответа, пока король завязывал шнурки на поясе. Мягкая седая борода властителя земель, похожая на бараний мех, смешно покачивалась при движении. Мясистый нос и помутившийся правый глаз дополняли картину, вынуждая сдерживать улыбку. Даже застав Сигурда в комичной позе, Карас понимал, насколько опасен он может быть.

— Что слышно про Олега? Он не прислал подати за последний месяц. Ни гонца с извинениями. — Король застыл посреди комнаты, словно вспоминая что-то. — Чтоб его душу хмарь съела, он даже птицу не прислал!

Сигурд направился к выходу, показав советнику идти за ним.

— Церковь всю уже строит планы. Они проталкивают среди народа мысль, что Олег — истинный король.

— Этого следовало ожидать. Морт не упустит шанса.

— Морт, — повторил Сигурд, точно пробуя имя на вкус. — А что Первый эпопт? Он одобрит, если Морт с Олегом решат пойти против меня? Или прикусит язык? Карас помедлил.

— Не знаю, Ваше Величество. Но если одобрит — война неизбежна. Сигурд остановился у двери в зал. Положил ладонь на ручку, но не открыл. — Значит, нужно, чтобы не одобрил.

Открыв дверь, служанка тут же подбежала к королю. — Ваше величество, чего-то желаете?

Сигурд отмахнулся рукой. — Оставь нас. — Отправь людей к Его Святейшеству Константу. Узнай, какие планы у церкви. Мы не можем допустить войну, когда тьма приходит неожиданно. Так может никто не выжить. — Слушаюсь, мой король. — Карас собрался уходить, но это было не все. — И узнай, как дела у любимчика простолюдинов. В Аскхольде. — Будет сделано!

Как только дверь за советником закрылась, Сигурд опустился в кресло. Его крепкие руки стискивали рукоять, напоминая о временах, когда он силой отбивал этот трон. Если ситуация повернется против него, сможет ли он отстоять свой замок?

(Йордхейм. День. 17 день лета)

Один вскочил на кровати. Сердце колотилось и отдавало в еще больную голову. Он дома? Дома. Все вокруг было знакомым. Отчего ж тогда страх не проходит? Это был самый страшный и непонятный сон в его жизни. Он не осознавал себя. Кто он и где. Его вело. Он не знал кто и куда. Течение просто несло его. Это был неизвестный и неузнаваемый ему мир. Серо-багровый, как мертвое тело, иссохшее на поле боя. Жуткие строения, напоминающие плетень паутиной улей. Приближаясь ближе, он видел плоть и кости.

Здание, если это было оно, было покрыто... Нет. Оно состояло из костей разных форм и происхождений, покрытых тонкой плотью. Она облегала их, и обрывалась по центру, образуя черные дыры, из-за которых он поначалу принял это за улей.

Его душило отчаяние и одиночество, но он не понимал, что это за чувства. Открыв глаза, он ощутил, как эти чувства захлестнули его не давая продохнуть.

— Один? Что с тобой? — Эльфледа хлопотала у печи. Увидев, что племянник наконец-то встал, отложила казан на место.

Один коснулся пальцем щеки. Пальцы остались мокрыми. Что это значит?

Глава 7. Пешка

(Йордхейм. День 17 день лета)

Один пытался отогнать недавний сон. Провалившись в постели долгое время, он не мог найти себе места. Время шло, а он не придумал как освободить Ингу. Что ему делать?

Эльфледа сказала, что ходит молва о свадьбе. Ее назначили на 20 день. В полдень. Ему нужно было срочно встретиться с Ингой. Барабаны в ее дверь, он не был уверен, будет ли она дома. Может ее уже переселили в замок, чтобы она была под присмотром и никуда не пропала.

Дверь открыла ее мать. — Тетушка Лия, где сейчас Инга? — затараторил он с порога. Круглое, но очень доброе на вид, лицо женщины застыло. Она пару раз открывала рот, но слова не находились. Схватив юношу за рубашку, затащила его в дом. — Ты что тут делаешь? — ее голос тут же проявился. — Ты не должен больше сюда приходить. Никогда. Один стоял лицом к женщине, но глаза его косились вниз, в сторону. — Она не может быть твоей подружкой больше. Понимаешь? — руки Лии расслабились и выпустили рубаху юноши. Он продолжал стоять на входе, не выражая каких-то эмоций. — Скоро она станет женой лорда. Станет леди. А ты... Ты все испортишь. — Вы счастливы за нее? — не меняя лица, тихо спросил Один. — За свою дочь.

Лия втянула воздух и поджала губы. Ее круглое лицо расчерчивали неглубокие морщины, едва заметные на покрасневшей коже. Из-под пряди светлых волос, на юношу смотрели усталые глаза. Одиному показалось, что они вот-вот наполнятся влагой. Или еще до этого они были наполнены ею. В любом случае, он видел их более опухшими, чем когда-либо. — Что ты знаешь о счастье? Один задумался: если ему запрещено появляться у порога их дома, то почему его еще не прогнали?

Дверь открылась позади него, впуская дневной свет. Мужчина, которого он не видел ранее, — небольшого роста, лысеющий. Темные круги под глазами, создавали вид нездорового человека. Должно быть это отец Инги. Раньше ему не приходилось с ним встречаться, из-за того, что он всегда был в замке. Придерживаясь за лавку, он уставился на гостя. — Кто этот молодой человек, Лия?

— Оскар. — женщина засуетилась. Она поспешила помочь мужу пройти внутрь. Подала ему руку, проведя к столу, помогла сесть. — Болезнь расшалилась. — усаживаясь поудобнее, он вновь посмотрел на юношу. — Так кто это говоришь? — Сир, я друг Инги. Один. Хотел повидать ее. — Ты тот самый болван, с которым она попала в опасность? — выражение боли на его лице, смешалось с гневом. — Где вы были? Как так случилось что вы были за границей города? Она не говорит. И я думаю, что ты... — Оскар! — женщина остановила мысли мужа. Схватив его за трясущуюся руку, заставила смотреть ей в глаза. — Они с детства дружат. Я знаю этого мальчика. Позволь ему сказать. — Что он может сказать? — мужчина обхватил голову, опершись локтями о стол. — Лорд приказал приготовить все к свадьбе. А еще отвести дочь к жрецам. Чтобы они ее проверили. Я... я не знаю как мне ее... как отвести ее туда добровольно! — Он хочет проверить невинна ли она? — Лия тут же обернулась к дверям, где стоял Один. Спohватившись, что они обсуждают лишнее, при чужом человеке.

— Позвольте, — Один обдумывал как лучше озвучить свое глупое желание, и не ожидал что уже говорит вслух. — нам сбежать из Йордхейма.

Оскар и Лия замерли. В хижине повисла тишина. Даже мухи не летали какой-то миг. После чего зашевелился отец Инги. Его лицо сморщилось, как помидор на солнце. Редкая щетина зашевелилась под сжимающейся челюстью.

— Пошел вон отсюда. — процедил сквозь зубы он. Негромко, но вполне отчетливо. — Но вы же сами против этого брака! — воспротивился юноша. Его голос прозвучал громче

мужчины. — Ваша дочь будет унижаться перед самым худшим человеком в этом городе. Всю оставшуюся жизнь!

— Замолчи! — рука громко стукнула по столу. Деревянная ложка подскочила и упала на пол. — Ты здесь не указ! Ингирид выйдет замуж за лорда! Хотим мы того или нет. — Тогда вы еще хуже чем ваш лорд! — Один почувствовал как кровь прилила к его лицу. Все тело будто само искала способ выплеснуть гнев. Прошагав через комнату к столу, он резким движением перевернул его. — Если вас так греет мысль, что ваша дочь будет подчиняться мерзкому старику, унижаясь и деля с ним ложе, лишь потому, что вам отсыпят серебра — я сам найду способ ее вызволить и увезу подальше от вас!

Оскар отпрянул от стола, едва удержавшись на ногах. Его глаза сначала испуганно, но после в бешенстве залились кровью. — Ах ты щенок... — Оскар! — Лия крикнула. Так что они оба затихли и отвлеклись на нее. Убедившись что привлекла внимание, продолжила уже тише. — Я могу написать брату. Попросить помощи. Он спрячет племянницу в Аскхольде! — Лия не глупи. — уже не обращая внимания на юнца, который только что перевернул стол, он взял жену за руку. — Ты знаешь что сделает Олег. После того, как он увидел архивные выписки из церкви, он стал одержим этим браком. Он непустит ни нас, ни Ингу. Ему нужен Аскхольд! Один застыл слушая мужчину. О каком брате в Аскхольде говорила тетушка Лия? Что задумал Олег?

— Церковь хочет вернуть власть над всем регионом. Над Рейкивией. Стеймонд — первое препятствие. Узурпатор. Брак с Ингой, это его надежда соединить оба города, не теряя людей.

— Стеймонд, дядя Инги? — догадавшись, о чем речь, Один привлек своим голосом остальных. У него в голове уже складывалась картина. Он знал, куда ему бежать за помощью.

Женщина отшагнула назад. Ее взгляд цеплялся за осколки разрушающейся картины. Вместо мужа, она видела большое темное пятно, которое застыло, как песок попавший в глаз. — То есть наша дочь не просто приглянулась ему? Я не могла с этим согласиться, зная кто такой Олег, но ты меня убеждал каждый раз. — грудь женщины стала часто подниматься. Ей словно не хватало воздуха. Отвернувшись, она прижалась лбом к стене. — Она — всего лишь пешка в планах по захвату власти? В планах против моего брата? Ты в своем уме?

Мужчина стыдливо стоял позади своей жены, не зная, что ответить. Он хотел было коснуться ее плеч, но Лия тут же отстранилась. — Мне было мерзко от одной мысли, что наша девочка выйдет за него замуж. Но я смирилась с этим. Ты сказал, что так нужно. Это поправит наше положение, а она будет под защитой и в достатке. — Так и есть, Лия. — Оскар пытался смотреть жене в глаза, но та от него отворачивалась. — Это лучше, чем если бы она вышла за конюха и помогала ему убирать дерьмо за лошадьми. — А как же мой брат? Один не желал больше слушать их и собрался на выход.

— Малец, — окликнул его Оскар. — Не советую болтать лишнего или делать глупости. Мигом окажешься на эшафоте.

Один не собирался отвечать ничего. Но в голове он держал мысль, что если бы он был на месте Инги, то сам бы перерезал горло отцу.

(Йордхем. День. 17 день лета)

— Постарайтесь впредь не допускать того, что произошло с леди Ольгой. И уже тем более с леди Агнес.

Морт был недоволен. Его подбородок подтягивался вверх, к губам, а маленькие глаза на фоне лица, глядели как у хищной рыбы.

— Уважаемый приор. Мое отношение к моим женам — исключительно мое дело. Церковь не должна влезать в дела семьи. — на террасе замка, что возвышалась над городом, Олег принимал лишь исключительных гостей. Виноградная лоза, оплетая арку, создавала тень, пряча от солнца в столь жаркие дни. — Лучше перейдем к более важным делам. — Это и есть важные дела! — губы приора скривились в форме серпа. — Брак с Ингирид даст надежду на

увеличение наших войск. — Моих войск! — поправил Олег. — Мне не нужна надежда. И брак этот состоится, лишь потому, что вы верите, будто мне это поможет. Аскхольд можно взять за день, не потеряв и четверти войск. — Церковь не может быть верна кому-то, Олег. Верны лишь ей. И не лучше ли не терять ценное войско вовсе? А наоборот, даже увеличить, приняв в свои ряды солдат Стеймонда. — Стеймонд из простого народа, но не дурак. Я вообще не уверен, что брак с его племянницей, заставит его объединиться. — лорд оторвал виноградинку с ветви и поднес ко рту. — Если его пригласить на свадьбу, он не сможет отказаться. Родная кровь все таки. Ну а тут... у вояки сердце встанет. Или нападет кто-то. Что за свадьба без драки? Тогда его людей можно будет собрать под моим флагом.

Серебряный силуэт на митре качнулся. Морт потянулся за вином. — Я с самого начала был против Стеймонда. Еще с первого дня я призывал Первого эпопта, казнить его показательно за узурпацию власти. Но он присягнул Сигурду, хитрец. Тем самым получил его покровительство. Эпопт Констат не смог привлечь его. А после и не хотел.

Отхлебнув из чаши, приор посмотрел с террасы вдаль, на горы. — Если и впредь Первый эпопт не будет исполнять свой долг, согласно Завету... — он посмотрел на Олега так, будто искал одобрения. — Его придется заменить более лояльным человеком. И все же, возвращаясь к моим словам о ваших женах. Мы обставили все так, будто леди Агнес совершила грех, за что поплатилась жизнью. Леди Ольга не покидает своей комнаты. А когда в замок приезжали ее родственники, она однажды чуть не раскрыла настоящее положение дел. Если племянница Стеймонда пострадает — народ начнет роптать. Пойдут слухи. Церковь уже не сможет помочь.

— Да. Сейчас нужно быть осторожнее. Вы правы. — в редкие моменты, когда лорд признавал чью-то правоту, он испытывал дискомфорт. Его глазница начинала чесаться, и он погружал в нее костяшки пальцев. Глядя уже покрасневшим глазом на приора, он спросил. — Церковь Аскхольда поддержит вас? Мне кажется, этот осел успел всех к себе предрасположить.

— Ах да. На счет этого. Я подстраховался. Верный Завету приор уже направился со своей охраной в Аскхольд.

(Аскхольд. Сумерки. 17 день лета)

Стеймонд смог отлично отдохнуть. Регин, как и было приказано ему, не беспокоил лорда. Его жена, Изольда еще спала, рассыпав свои волосы по перинам. Поцеловав ее плечо, он тихо вышел из спальни, стараясь ее не будить. Снаружи уже темнело. В городе и деревнях готовились к ночи, зажигая огни. Впереди его ждала рабочая ночь. С Регином и Флоком они должны обсудить план по укреплению территории. Если огни будут гореть как и положено, — твари не сунутся. Но вот люди... Советник также поднимал вопрос о селениях, что пострадали больше остальных в раннюю ночь. Им нужна была поддержка — хлеб и кров, пока их деревня будет восстанавливаться. Регин явно хотел сообщить о чем-то еще. Тогда, у ворот, когда Стеймонд только вернулся в город.

Советник уже ожидал у малого зала, тогда как Флок задерживался. — Мой лорд. — Регин слегка склонил голову, открывая дверь. — Регин. — протяжно произнес Стеймонд, закрывая глаза.

— Я попросил Флока, дать нам время побыть вдвоем. Он присоединится позже. — Зачем? — Стеймонд оглядел стражу, что стояла поодаль от двери. Он понял, что сейчас будет разговор, к которому он не готов. И это утомляло..

Когда они уже сели за стол, Регин не мог долго начать разговор. Он поглядывал на лорда, на его седеющие волосы, заметно разбавляющие черноту. Словно ночью ручьи, отражали лунный свет. Не впервые раз сглотив, советник собирался открыть рот, но слова терялись. В еще сонных, усталых глаза товарища читалось нетерпение. В темно-серых, порой черных глазах вспыхивал огонь, а порой, казалось что это его собственное отражение. — Регин? — Стеймонд, я убил стражника на днях. — из окна потянуло холодом. Седой мужчина провел рукой по своей бороде, собираясь рассказать детали и причину. Но дверь резко распахнулась и в зал вошел

Флок. Этот молчаливый, но всегда острый на язык, невысокий муж, если заговаривал — либо для того чтобы осадить кого-то, либо рассказать о чем-то важном. — Приор убит, мой лорд.

Глава 8. Сущность

(Между Йордхеймом и Аскхольдом. Первая половина ночи. 17 день лета)

Он знал на что шел. Вот только выбора не оставалось. Едва выйдя из дома Инги, он предупредил Эльфледу, что возьмет одного коня. Вопросы зачем и куда — остались без ответа. Нельзя было терять времени.

Черный, как сама ночь конь, мчался вдоль гор, что укрывали море. Это был самый короткий путь к лорду Стеймонду. Объезжать горы, по хорошей дороге, было роскошью.

Порой горные хребты выступали слишком сильно, едва не сталкивая Одина с уступа. Тропа, кем бы она ни была оставлена, не предназначалась для галопа на лошадях. Хвала Спасителю, луна светила ярко, и он мог ориентироваться в местности. По его подсчетам, до Аскхольда была примерно еще половина пути. Но если он не сможет оторваться от них — все пропало. Его сожрут твари, а Инга навсегда останется в замке, как игрушка в руках лорда.

Его мысли разжигали в нем ярость. Ее порой было сложно контролировать, и чтобы удерживать себя в руках, он закусывал нижнюю губу зубами. Часто до крови. Все его тело напрягалось, рассеивая по нему равномерно гнев. И лишь когда он чувствовал боль, злость немного отступала.

Противный крик, совсем рядом ворвался в уши слева. Со стороны гор. Новая орда на подходе? “Помогите мне, Посланники. Молю. Сколько еще мой конь сможет так гнать?”

Очередной горной выступ вынудил прижаться к краю. Один мельком глянул вниз — и голова закружилась, словно ничего не весила. Справа, далеко внизу, жёлтые поля песка уходили в темноту ровным полотном. До них — семь-восемь копий, не меньше. Пришлось сбавить темп, чтобы не сорваться туда вместе с конём.

Впереди уже виднелось расширение тропы и тёмная полоса леса. Горы сворачивали кольцом вокруг моря, уступая место равнине. Хотя бы там можно будет гнать, не боясь упасть.

Снова раздался вой. Словно все твари разом выли в отчаянии. Эти крики напоминали ему крики зверья, чье потомство было уничтожено, — раздирающий душу от бессилия. Одиному и самому хотелось закричать именно так. Страх прорывался под кожу, оставляя свой яд в крови. А бессилие уговаривало его сдаться. Шептало, что все бесполезно. Юноша представлял, как складывалась бы тогда его жизнь и жизнь той, которую он знал с детства. Тогда его тело снова разжигала ненависть, и он гнал коня, не разбирая дороги.

Лес уже был перед глазами. Отродья, что гнались позади, отставали и прекращали погоню — но новые лезли из-за гор. Некоторые прыгали на него, целясь сбить с лошади. Хорошо, что места для манёвра стало больше: Один отъехал подальше от горных выступов и теперь мог уворачиваться.

Въехав в чащу, он наконец дал ездовому другу сбавить темп. Кроны деревьев прикрывали луну, и мчаться так же быстро уже не получилось бы — слишком велик риск не заметить препятствие. Будут ли они ждать его здесь? Или они водятся только в горах?

Подумать только — они с Ингой сотни раз ходили к морю и ни разу не видели даже их следов. Ни намёка. Откуда же они лезут? Кто они вообще?

— Лени. — Услышав привычную кличку, конь повёл ухом. Его дыхание было столь громким, что Один не слышал собственных мыслей. Он оглядывался по сторонам, пытаясь заметить хоть намёк на опасность. — Как думаешь, удастся ли нам добраться живыми?

Лени лишь фыркнул.

Юноша отметил, что лес просторный. Деревья росли на достаточном расстоянии друг от друга — здесь легко прошла бы конница. Он не знал, что это за деревья. Их стволы тянулись вверх, как каменные колонны, и лишь изредка из этих колонн прорастали ветви. Зато кроны их были густыми — как спутанная овечья шерсть, за которую давно не брались руки пряхи.

Под копытами хрустели сухие ветки. Дыхание коня стало умеренным, лишь изредка он фыркал и тряс гривой. Они отстали? Совсем? Один часто оглядывался, и не видел позади ничего кроме колонн деревьев. Даже их крики прекратились. Удерживая поводья одной рукой, он достал меч. Металл прозвенел, готовясь отражать удары. Но никого не было видно. Все же лучше пусть он будет в руке.

Умения сражаться у Одина были неважными. Однако он всегда мог постоять за себя и за подругу, единственную кто с ним водился. Не всегда у него получалось выйти победителем из драки, но даже избитый он продолжал вставать. С мечом, ему удавалось победить лишь Ингу. Желающих с ним потренироваться больше не находилось.

Брат тети Эльфледы изредка приезжал к ним, и тогда давал ему уроки фехтования. Но их было так мало, что это не считалось за полноценное обучение.

Его глаза уже привыкли к той темноте, что создавали кроны деревьев. Белеющие стволы редели. Лес заканчивался. Один насторожился и приготовился снова гнать. Впереди, ему показалось, что куст пошевелился и сердце громко стукнуло в груди. Пальцы чуть не разжались и меч едва не выпал. Когда он поравнялся с этим кустом, его очертания изменились. То ли ветки, то ли конечности торчали из земли.

Стукнув Лени в бока ногами, Один ускорился, но оружие держал наготове. Уже выезжая из темноты, он обернулся. Куст продолжал лежать на том же месте. Он выдохнул, пряча меч в ножны, и сосредоточился на дороге. Страх немного отступал, а впереди было слышно течение реки. Аскхольд находился за рекой, гораздо севернее Йордхейма. Можно было бы обогнуть горы, и через реку попасть в земли лорда Стеймонда. Или скакать прямо, и сделав крюк, подойти с восточной границы, минимизируя опасность встречи с тварями.

Пока Один размышлял как ему поступить, снова раздались крики. Они были близко, и в большом количестве. Пока он пробирался через лес, они продолжали за ним гнаться. Конь разнервничался, но продолжил скакать галопом туда, куда направлял его хозяин. Оглядываясь назад, Один увидел их. Он насчитал пять силуэтов, что крались в тени леса. Они не спешили, словно уже отчаялись нагнать его. Это хорошо. Река уже близко, а там по его предположению, оставалась четверть пути до замка.

Луна светила ярко. Ее холодный свет не пугал их. Напротив, он как будто придавал им сил. Пробуждал их. В чем разница между светом от луны и от факела или солнца? Какова природа этих монстров? В груди у Одина все стучало в такт копыт коня. Все внутри подскакивало и опускалось. Он сам не верил, что в одиночку, ночью, смог преодолеть такое расстояние. Река. Она уже была перед ним. Осталось найти переход.

Подойдя ближе, он увидел нечто на том берегу. Оно по форме было как человек, но передвигалась почти лежа, как ящерица. Двигаясь вверх по реке, в поисках моста, оно ползла в том же направлении. Лени переступал с ноги на ногу и всхрипывал. Его уши прижимались, а глаза косились в сторону отродья. У Одина в голове тоже смешались мысли. Он не мог придумать, что ему делать. Моста нигде не было видно, возможно он стоял еще выше, ведя прямо к замку. Тварь не отводя взгляд смотрела на него. Она была повернута к нему половиной лица. Глазом, что отражал свет луны. Конь занервничал сильнее. Один пытался унять его, глядя по шее. Но тот не подчинялся, мешая размышлять, что делать дальше.

Ящероподобная сущность не унималась. Она ходила взад-вперед вдоль берега, повторяя движения за юношей. Ее взгляд был устремлен на него. Казалось, она понимала Одина. Знала его мысли. Или...

Один бросил взгляд назад, в сторону леса. И тут его сознание едва не сошло с ума. Он замер, глядя как на него движется около дюжины существ. В голову не шло ни одной мысли, что делать. Впервые в своей жизни, он ощутил, как тело не слушалось его. Они были в нескольких шагах, и уже приближались.

Лени заржал, вставая на дыбы. Юноша направил его вверх по ручью, как и думал изначально. Все они бросились за ним. И та, что была на той стороне реки.

Перед ними откуда-то выскочило еще одно существо. В этот раз Один не удержался, когда конь поднял передние копыта. Вылетев из седла, он оказался в воде.

Студеная река вмиг охладила разум. Вынырнув на поверхность течения, он смог зацепиться за что-то. Огромный валун, непривычно правильной формы, торчал своим углом над водой. Ударившись о него животом, Один тут же вцепился обеими руками.

Твари полезли следом, и их тела мигом наполнялись водой сквозь трухлявую плоть. Их тут же тянуло на дно. Один постарался залезть на камень повыше, на случай, если они будут проплывать под водой мимо него. На берегу осталось около пяти отродий. Они сновали вдоль реки не решаясь войти. — Что, плавать папка не учил? — злобно крикнул он им, и тут же вспомнил о ящерообразной сущности. Обернувшись на другой берег, на него изучающе смотрела она. Ее глаз, как человеческий, не помутневший, не отрываясь продолжал следить. Она выжидала. Терпеливо и настойчиво. Если попасть ей в руки, она сожрет сразу или продолжит изучать?

Один чувствовал, как замерзало тело. Пальцы с трудом держались за гладкий край камня. Находясь по пояс в воде, течение упорно пыталось его унести. Он не спал целых две меры бодрствования и усталость также сказывалась на нем. Страх, охвативший разум, и холодная вода не давали уснуть. Но сколько он ещё так продержится?

С трудом достав меч из ножен, он прицелился в ящерообразную сущность и метнул его. Меч не пролетев и половины пути, упал в воду и ушел на дно. Тогда он разжал пальцы, и лег на воду. Течение его подхватило и понесло вниз. Сущность скользила взглядом, не теряя его из виду. Твари на другом берегу — с выпирающими позвонками на широких спинах и тонкими конечностями, подобно жукам, — зашевелились и тоже двинулись следом. — А если так? — он набрал воздуха и погрузился под воду. Течение несло его, и он греб изо всех сил, насколько их хватало. Что происходило сверху, он не знал. Нужно двигаться вперед. Это единственный шанс выжить.

Глава 9. Старые письма

(Аскхольд. Первая часть ночи. 17 день лета)

На лице бывшего воина, среди шрамов и огрубевшей кожи, застыл страх. Стеймонд смотрел на Флока и в его глазах отражалось танцующее пламя факела, горящего у входа. Ветер задувал в окно, сметая со стола карту и бумаги. Трое товарищей молчали. Каждый думал о своем. — Что ты сказал? — Стеймонд вмиг представил возможные последствия убийства церковника. — Ты уверен?

Флок поднял голову, и прядь волос откинулась. Его тело выпрямилось, словно устало нести на себе заботы города. Плечи расправились. Под черной прядью, едва прикрывающей пол лица, зиял старый шрам, напоминающий ему и окружающим, кто он такой. — Стеймонд, я нашел его в келье в исподнем, заколотым в грудь. Не думаю, что мне показалось.

— Флок, ты понимаешь о чем ты сейчас говоришь? — лорд сорвался на крик. Его грудь вздымалась, хватая жадно воздух. Он схватился за голову и шагнул к стене, рядом с Регином. Взглянув ему в глаза, он припомнил, что ему говорил советник. Попавшаяся под руки кружка полетела в стену, разбившись в щепки. Он вновь поднял глаза на него, и спросил уже тише. — О каком убийстве ты говоришь?

Регин не ожидал вопроса, но взгляд Стеймонда прожигал его насквозь. Флок лишь перевел взгляд на советника, даже не изменив выражения лица. — Нет. Это не касается дела. — Кого ты убил, Регин? — упираясь в стол руками, лорд ждал ответа. Его пальцы сжимали стол, словно тот скоро треснет. — Синдри. — короткий ответ, после которого наступила тишина. Регин опустил руки перед собой, скрестив пальцы в замок. Он был готов к последствиям, хоть более важные дела не ждали отлагательств.

— Ясно. — едва слышно произнес хозяин замка. — Уже легче. С этим позже. Осталось найти того, кто это сделал. И отправить ворона для Первого эопта.

— Думаю он еще тут. — Флок медленно отошел от стены, стараясь говорить негромко. — Ночью далеко не убежишь. А насчет ворона... лишнее. Мне кажется они все знают.

Стеймонд нахмурившись ждал пояснения. Взглянув на Регина, который так и стоял у стены, не вступая в разговор, спросил: — Ты что думаешь об этом? Немного выждав, когда пересохший во рту ком уйдет, советник прикинул. — Кто хочет отобрать у тебя Аскхольд больше всех? — Если ты намекаешь на Олега, то какой ему смысл убивать приора? — нужна была выпивка. Стеймонд чувствовал, что от волнения губы слипались. Более того, вино бы помогло успокоиться и ясно мыслить. — Кто называл тебя узурпатором, когда ты сверг Вильгельма? — правая рука лорда, крутил в руках клинок. Небольшое лезвие, размером с ладонь. Удобное и компактное оружие. Полезный не в бою, но для шпионов. — Ты присягнул Сигурду, и стал недостижим для них. Но они свободно прижмут тебя за убийство церковнослужителя.

— Запереть ворота. С рассветом никого не выпускать. Никого! Найди убийцу и приведи ко мне. — дав указание Флоку, Стеймонд повернулся к советнику. — О убийстве ни слова. Нужно время подготовиться и продумать дальнейшие действия.

(На границе Аскхольда. Ночь. 17 день лета)

Один не мог никак согреться. Пока одежда сушилась рядом, он дрожал, пытаясь почувствовать тепло от костра. Ветки трещали в огне, откидывая в стороны искры. Руки тряслись, а горячий отвар в кружке, выплескивался на пальцы.

На ногах и ребрах были ссадины и ушибы. Чем ближе к обрыву, тем сильнее становилось течение, а неглубокое дно — каменистее

Седой и заросший мужчина, с очень густой бородой, но на вид не старый, сидел подле него. Его вещи тоже сушились рядом, хоть зубами он и не стучал от холода.

Его хижина, что стояла прямо на реке, была обставлена невысокой изгородью, из прутьев. Вдоль нее, каждые шагов десять, горел факел. Небольшая граница, отделявшая их от темноты.

Несколько раз оглядевшись, Один не нашел Лени. Пусть бы он ускакал домой. — Ты был один. — первое, что услышал от него юноша. Глянув на него украдкой, он заметил, что тот ему кого-то напоминает. Возможно просто похож на кого-то.

— Я потерял коня. — тихо сказал он. — Ты видел ее? — этот вопрос пронзил клинком разум Одина. Спрашивал ли мужчина о той сущности? — Она тут часто околачивается. Пялится своим глазом. Постоянно выжидает, когда я усну и огонь погаснет. Значит ему не показалось, что та тварь была не похожей на остальных. Что в ней было что-то иное. Разумное. — Она всегда прижата одной стороной к земле. Слово у нее лишь половина лица. — Мужчина говорил тихо. Спокойно. Его голос не вызывал тревожности. Но лица? Лицо ли он видел? Это звучало слишком по-человечьи. Скорее тухлая морда, частично обтянутая плотью. — Она ожидала меня на этом берегу. В то время как с той стороны уже... — Мне не интересно. — резко оборвал рассказ, его спаситель. — Я тебя спас, потому что мог. С ранним рассветом ты уйдешь куда шел.

Один смолк. Он наконец-то чувствовал, как согревается. Кем бы ни был этот отшельник, он спас его. На том и спасибо. Сейчас ему нужно попробовать поспать, и продолжить путь с рассветом.

(Аскхольд. Рассвет. 18 день лета)

Аксель недавно проснулся и сразу же приступил к работе. Есть своя выгода в том, чтобы ночевать на работе. В прошлом бодрствовании он только осмотрел то, с чем ему придется столкнуться. Сир Регин, показался ему очень великодушным и вежливым человеком, который по всей видимости многое знает о этой жизни. Приведя его в архивы, он дал указ навести тут порядок — среди бумаг и в самом помещении.

В документах давно не было нужды: списки рождённых, церковные бумаги. Всё это лежало мёртвым грузом, и паутина с пылью укрывали их от взора. Аксель смог за половину ночи очистить помещение, придав ему подобие порядка. Дело шло бы быстрее, если бы он каждый раз не отвлекался на какие-то книги, казавшиеся ему диковинками. В одной из них, он узнал о том, что ранее дни и ночи были намного короче. Люди всю ночь спали, а весь день работали. Не было смен для работы днем, и времени для бодрствования ночью. Это было до того, как Спаситель пришел на землю.

Еще он узнал, что на Солмаре есть четыре вулкана и каждый из них ждет своего времени. В книгах говорилось, что когда люди перестанут чтить Спасителя и станут нарушать заветы, ото сна пробудится один из четырех и сожжет землю на которой живут грешники.

Работы было много. Нужно было переписать старые записи, которые испортились от времени. Отсортировать налоговые пошлины, церковные взносы. Проверить учет рождаемости Аскхольда. Но Аксель постоянно отвлекался на страницы старых книг. Он невольно представлял: если бы он работал в архивах Хельгина, сколько всего бы он там нашел.

Перед глазами всплыл образ его дома. Они вставали с отцом по ночам, грели на печи отвары из трав. Он уходил сменять Густава, и до рассвета проверял огни деревни. Аксель оставшееся время перечитывал в сотый раз песнь Завета, истории о других странах, и легенды о чудовищах. Лежал, разглядывая крышу или лепил из воска свечи. Порой они с отцом вдвоем ходили по деревне. Он показывал, как устроена лампы. На каком расстоянии они должны висеть. Как проверять масло в колбах. И что делать, если огонь погас. “Почему так случилось, отец? Ты же лучше всех знал свою работу”. Он мысленно спрашивал погибшего, представляя что тот теперь стал одним из Посланников Спасителя. За деревней, случалось что твари пробирались на территорию, но свет всегда их отгонял и они прятались в темных углах, пока рассвет совсем их не прогонял. Что же получается, в ту ночь просто погасла лампа, и поэтому отец погиб? Он не видел твари, пока пытался наполнить лампу маслом?

Его плечи нервно дернулись. Губы искривились и зубы сжались. Ноздри расширившись вдыхали прохладный воздух.

Дверь распахнулась и Аксель отвернулся к стеллажам с свертками. Собираясь с духом, он протер лицо рукавом и повернул голову ко входу. Кареглазый, светловолосый юноша разглядывал пространство перед собой. На вид, чуть старше него самого, более рослый в плечах и в высоту. Он был одет в стеганный дублет, красного цвета, как и вся стража. Его рука лежала на рукояти меча и казалось, этот человек всегда готов отразить нападение.

— Ты тут работаешь? — спросил он все еще оглядываясь. — Да, сир. — с трудом ответил Аксель, сглатывая еще не прошедшую грусть. — Сир Регин приказал привести тут все в порядок. — Понятно. Мой отец давно искал, на кого свалить бы эту работу. — проходя внутрь, юноша поднял со стола рукопись, на которой стоял печать в виде силуэта человека. Этот человек, со скрещенными на груди руками, склонял голову. — Он просил узнать, не находил ли ты тут письма от приоров церкви или Первого эптопта? Или письма с других городов, за последние месяцы.

— Нет. Не находил. — чуть громче шепота, ответил Аксель. Его плечи поплыли вперед, словно улитка прячущаяся в раковину. — Я только начал тут все перебирать. Но кое-что мне показалось странным. Он повернулся к полкам, и достал из одной из них несколько свитков. — Сейчас. Где-то здесь... Я видел. — Аксель разворачивал каждый свиток по очереди, пробегая глазами по строчкам. Его губы шевелились, не произнося звука. — Вот оно! Это старое письмо, но мне показалось важным. Лорд Вильгельм — предыдущий лорд Аскхольда — обращался к королю Олегу... тут, наверное, ошибка, или... Но самое странное, он пишет ему "Все как вы и говорили, тварей с Запада стало меньше. Осталось защититься лишь с одной стороны".

Переведя взгляд на человека с мечом, Аксель увидел непонимание важности документа. Пожав плечами, он опустил глаза. — Простите, я только начал работу. Обязательно сообщу, если что-то еще найду. — Как тебя зовут? — спросил юноша с карими глазами. — Аксель, сир. Брови юноши изогнулись в раздражении. — О Спаситель, хватит! Не обращай ко мне "Сир". Я Ейнар. — Простите. — Ладно, увидимся еще. — дверь захлопнулась и Аксель не успел попрощаться. Но через миг снова распахнулась. — Дай мне то письмо, что ты нашел. Может, оно заинтересует отца и лорда.

Немного помешкав у выхода, уже держась за дверное кольцо, Ейнар обратился к Акселю. — Знаешь, лорд Стеймонд говорит, что ты недавно потерял отца. Аксель промолчал, лишь опустив голову. — Понимаю тебя. Я тоже потерял кое-кого... очень мне близкого. Возможно, тут ты сможешь начать все сначала. — юноша задумался, глядя в пол какое-то время. Его пальцы стиснули рукоять меча, а скулы расширились от сжатия зубов. Резко бросив взгляд на собеседника, словно что-то вспомнил, он выбежал из комнаты.

* * *

(Аскхольд. Утро. 18 день лета)

— Кто-то у ворот, сир! Какой-то малец! — крик стража с вышки донесся до Флока. Почти не спав, он продолжал следить за всеми на территории замка. Рано или поздно, он должен был бы увидеть незнакомое лицо. Если убийца — чужак, он выдаст себя. Если свой — тем более. Его люди перевернули тут каждый камень. Заглянули в каждый угол. Он либо хорошо умел прятаться, либо он был из своих. Но кто мог прийти сегодня, в самый неподходящий момент?

— Ворота закрыты по приказу лорда! — крикнул страж приближающемуся. — Кто там? — спросил стражника Флок, подходя к воротам. — У меня послание к лорду Стеймонду! — голос с той стороны был слишком юн для гонца — сорванный, с хрипотцой.

Голос казался знакомым. Флок вплотную встал к створкам, прислушиваясь. — Мне нужно увидеть вашего лорда. — повторил гость. Мужчина с прядью на лице сжал челюсть. Он вскочил на вышку к стражнику, чтобы увидеть того, кто был по ту сторону. — Откройте

ворота. — сказал он не глядя на стражника. — Но сир, лорд велел не пускать и не выпускать! — стражник замешкался. Флок невозмутимо повторил. — Я велю открыть.

Ворота со скрипом отворились.

Перед входом оказался юноша, около 20 полугодий, среднего роста. Темные волосы небрежно спадали на лицо, в точности как у правой руки лорда. Одежда, когда-то добротная, висела рванными лохмотьями в грязи и крови. Молодой человек прихрамывал на правую ногу и держался за живот. Флок узнал голос еще за закрытыми воротами, но долго разглядывал, как этот человек ковыляет ему навстречу. — Один?

Глава 10. Запах сена и прелой земли

(Аскхольд. Утро. 18 день лета)

Все четверо сидели в малом зале. День разгорался, прогревая стены замка, отчего у Одина рубаха прилипла к спине. Он ощущал себя неуютно, впервые находясь за одним столом среди советников и лордов. Все были напряжены, казалось, кроме Флока. Их лица были угрюмы и сосредоточены. Свет, что проходил сквозь небольшое окно под крышей, едва освещал зал, отчего контуры всех лиц казались смазанными. Стеймонд пожевывал внутреннюю часть щеки, неотрывно глядя на стол. — Теперь мне кажется, что убийство приора это дело рук Олега. — он первым нарушил тишину. — Хотя и непонятно, что ему это дает. — Как минимум, привлечет внимание церкви к нам. А там ведь многие не рады тебе. — Флок с хрустом откусил от яблока, которое долго натирал своей накидкой до блеска, облокотившись о стол. Его глаза впервые за долгое время стали отчетливо видны. Стеймонд, медленно подняв глаза посмотрел на него, а потом на Одина. — Вы и вправду похожи.

Один почувствовал, как кровь прилила к щекам. Он всегда хотел походить на дядю — на этого невозмутимого, опасного человека, которому хватало взгляда, чтобы остановить суматоху. Но сейчас, когда его сравнили с ним, при других людях, он ощутил себя самозванцем. Волосы, шрамы, взгляд исподлобья — всего лишь дешевое подражание. Жалкая пародия.

И все же, где-то внутри, в самой глубине, теплилось что-то другое. Гордость. Он не был Флоком. Но кто-то это заметил.

— Что будет, когда церковь узнает о мертвом приоре? — не обращая внимания на слова лорда, спросил дядя. — Смерть важного церковника, на землях Аскхольда. — мужчина с едва видневшейся рыжиной в волосах заговорил тихо, с легкой хрипотцой. — Это пристальное внимание. Обвинение. Повод к эскалации. — Олег, если это он, с радостью подольет масла в огонь. Чем он собственно сейчас и занят. — Стеймонд бросил быстрый взгляд на гостя, а после в угол, где до сих пор валялись щепки от разбитой кружки. Он хотел бы разбить еще одну, да каждый держал свою при себе. А новой ему так и не принес никто. — Эта свадьба...

— Попробуем выстроить логическую цепочку из того, что знаем. — Советник отнял у Флока недоеденное яблоко и положил его на стол. — Это Олег. А это ты Стеймонд. Он поставил в стороне от яблока кружку. Рядом с кружкой положил монету. — Монета, это приор. Если приора убить, — он забрал монету назад и спрятал ее, — на столе появится большой игрок — церковь. Схватив еще одну кружку со стола, он поставил ее чуть поодаль от первой. — Если Олег с церковью договорятся, — а как мы знаем они дружны — против тебя организуется кампания. Церковь давно точит зуб на тебя. Олег же метит на трон. Но как в этом случае поступит король? — мужчина на этот раз достал кошель с монетами и бросил их на стол. — Сигурд защищал тебя от одиночных нападков церкви. Но сможет ли он выстоять против всей ее власти, если к ним добавится второе по величине войско Рейкивии?

Флок дождавшись, когда закончится представление, схватил обратно свое яблоко и принялся его снова натирать. В зале повисла тишина. Один смотрел на расставленные кружки на столе и чувствовал, как его терпение кончается. Тело порывалось вскочить и перевернуть стол со всем содержимым.

— Нужно помешать этой свадьбе. — Один понимал, что его голос, звучал хоть и тихо, но явно раздраженно. Если эта свадьба состоится, никто и никогда больше не сможет ее освободить. Не потому что Олег ее не отпустит, а потому что церковь не позволит ей больше ни с кем завести семью. Ему с трудом удавалось подавлять буйство в крови. Собрав волосы назад, он открыл лицо — стали видны его ярко-синие глаза, как морская волна. Мелкие шрамы на лице то тут, то там указывали на его нрав и неспособность ладить с другими. — Без свадьбы у Олега не будет возможности претендовать на власть в Аскхольде. Стеймонд перевел на него взгляд,

все еще держа в голове представление Регина с кружками. — Ингирид моя племянница. И я всем сердцем не желаю ей такой жизни. Но я не понимаю, что дает Олегу этот брак. — Ты узурпатор. Девочка твоя племянница. Над твоей головой занесен топор. — Флок отложил в сторону недоеденное яблоко и достал из-за пояса кинжал, — Ты еще не понял, но как бы ты ни отреагировал на этот брак, он наперед просчитал оба варианта. Чтобы победить короля, ему нужна армия. Если убрать из этой игры тебя — к кому уйдут твои воины?

Он постучал рукоятью ножа по столу, — Я бы на его месте выманил тебя на свадьбу. А если ты там случайно погибнешь — претендовал бы на земли Аскхольда, как муж кровной наследницы. — Но у меня есть дочь! Инга не наследница. — возразил Стеймонд, все еще не понимая. — Вот именно, — тихо сказал Флок. Его глаза блеснули под черной прядью. — И это то, чего ты должен бояться.

Один вскочил из-за стола, не в силах все это слушать. Стул со скрежетом отъехал назад и упал. — Ингу выдадут за Олега, через два дня! Я не для того пробирался к вам через этих тварей всю ночь! Мы должны что-то сделать!

— Сядь.

На фоне громких криков юноши голос Флока потерялся. Спокойный, словно всегда всезнающий и невозмутимо ожидающий своего часа. Один осекся, увидев взгляд своего дяди. В нем не было злости или раздражения. Как не было и осуждения. — Но я ведь...

— Сядь. — снова повторил Флок. Так же как и в прошлый раз, спокойно и не громко.

Один противился этому, но поднял стул и сел. Замолкнув, он приготовился слушать. Руки его крепко сжимали край стула, не в силах расслабиться.

— Мы не можем просто явиться и выкрасть мою племянницу. — Стеймонд дождался, когда наступила тишина и спокойно заговорил. — Мы еще не знаем, что делать с мертвым приором. Не знаем где прячется убийца. Чего еще ожидать от Олега. У нас проблем выше головы. Советник полез в карман и достал сверток. — Вильгельм так и не отправил его. — развернув письмо, он прошелся по нему глазами. — Не уверен, что это сейчас относится к делу, но это важно. Он еще тогда обращался к Олегу как “королю”. Они обсуждали что-то, благодаря чему, уменьшилось количество тварей с запада. Тот парнишка, которого ты привез в город, нашел это в архивах.

— Там река. — прошептал Один.

Все разом оглянулись на него, не понимая что он имеет в виду.

— Мой лорд! — дверь распахнулась без стука. За стенами началась какая-то суeta. — Храмовники и церковная делегация прибыли.

(На границе Хельгина. Вечер. 18 день лета)

Признаваясь в утрате Акселю, Ейнар осознал, что у него не осталось совсем ничего от дорогого ему человека, лишь воспоминания, которые со временем утратят свою силу. Ему нужна была какая-нибудь вещь. Амулет в форме полумесяца. Она надевала на него этот амулет, в знак того, что он вернется и отдаст его ей. Всегда, кроме последнего раза. Тогда заботы с беременностью занимали все мысли. Вивеке было сложно ходить и думать о их ритуале. Он тогда уехал, обещая вернуться через несколько дней. Возможно, уже к именинам своего сына или дочери. Но все вышло совсем не так.

Когда в Аскхольд явилась делегация из церкви, он покинул город, не привлекая внимания. Ейнар планировал провести ночь в деревне, а на следующий день вернуться назад. Его не должны были спохватиться.

* * *

Ейнар слез с коня и вошел в открытый амбар. Тут пахло сеном и прелой землей. Как и всегда. Он вошел внутрь, привыкая к запаху, от которого щемило в груди. Его шаги были неуловимыми, ноги подкашивались. Он столько раз был здесь с ней, а теперь один. Тот самый столб, о который он оперся, когда его мальчишеские коленки предательски затряслись. Тогда он рас-

сказал ей о своих чувствах и они впервые коснулись друг друга. “Ты что, боишься меня?” — спросила она тогда посмеявшись над ним. И он боялся. Того что делало с ним ее присутствие.

Привалившись к тому столбу, он присел на корточки. Ейнар вспомнил, как он давал ей обещание каждый раз, когда уезжал домой на службу, что вернется. Она снимала свой амулет с груди и вешала на него. “Вернешься, отдашь”, — говорила она. Это происходило много раз. Кроме последнего.

Тогда стояла зима. Они с отцом остановились в трактире, чтобы переждать ночь. Вивека шла с ведрами от реки по ледяной тропе. Тоненькая и хрупкая. Лишь пар срывался с ее губ, пряча веснушки. Он вызвался помочь ей. С тех пор постоянно сбегал из Аскхольда к ней.

Их первая близость была именно тут. Мороз не мог помешать им. Напротив, ему казалось что их страсть способна растопить вершины северных гор. Укутав ее плащом, он давал обещание — забрать девушку с собой.

Поднявшись на ноги, он окинул взглядом помещение и направился к выходу. В какой-то момент, ему показалось, что он чувствует тот самый зимний холод на своих руках и всем сердцем пожелал вновь обнять ее. Почувствовать ее тепло.

Обычно казни проводили за пределами деревни, и он интуитивно пошел туда. Обгоревший столб все еще стоял там. Скорее всего, на нем сожгли Вивеку. Остановившись возле него, руки затряслись. Мышцы груди и живота сжимались. Дергаными движениями ног он раздвигал траву и пепел, надеясь что-нибудь найти. Хоть клочок ткани. Сзади раздались чьи-то шаги. — Это ты? — невысокий сгорбленный селянин с лопатой стоял позади него. — Я видел, как ты в амбаре рыскал. Это все ты! Ты чужак, что убил мою дочь! Ейнар лишь успел увернуться от штыка лопаты, но металл вскользь задел его бок. Юноша достал меч, чтобы защищаться. — Остановитесь, — просил он, держась за живот. — Я не хочу навредить вам. Мужчина снова замахнулся и лопата рассекла воздух. Резкое движение отдалось болью в раненом боку. Но он снова выставил перед собой меч. — Ты уже достаточно навредил! Даже после ее смерти, ты как падальщик, рыщешь на ее останках! — кричал дрожащим голосом мужчина. Он кинулся на светловолосого чужака в третий раз. Мышцы сработали как на тренировках, механически. Он отвел лопату врага в сторону и тут же выставил меч перед противником.

Железо мягко вошло в плоть. Мужчина обмяк и упал на колени. Теперь он казался Ейнару гораздо меньше и худее. Держась за лезвие руками, он что-то шептал. Юноша смотрел как мужчина оседает на землю. Даже безжизненные глаза смотрели на него с ненавистью. Я убил ее отца — кричала мысль в голове. Она перекрикивала все. Никаких звуков больше не осталось. Под этот крик подступала тошнота. На его рукаве был намотан тот самый амулет, что юноша часто носил. Его руки, трясаясь, пытались развязать узел. Казалось, это будет длиться вечно. Чья кровь была на нем? Ее отца или его собственная?

Ему нужно было где-то переждать грядущую ночь. Но с раной в боку не стоило нигде появляться. К тому же тело на поле скоро кто-то заметит. В его голове всплыла мысль о доме, где жила Вивека с отцом. Заведя лошадь за ограду, он закрылся в доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.